

Юрий Лужков

СЕЛЬСКИЙ КАПИТАЛИЗМ В РОССИИ:

столкновение с будущим

Аграрный вопрос правительству

«Разговоры об урожае: принято считать чем-то очень низким. Это, может быть, неважно было при крепостном праве, или неважно в Англии. В обоих случаях самые условия определены; но у нас теперь, когда все перевернулось и только укладывается, вопрос о том, как уложатся эти условия, есть единственный важный вопрос в России».

Лев Толстой

«Если вы стремитесь к миру — насаждайте справедливость. Но в то же время возделывайте поля, чтобы получать больше хлеба. Иначе не будет и мира».

Норман Эрнест Борлоуг, лауреат Нобелевской премии мира

Обращение к читателю

Книга, которую вы держите в руках, — продолжение моей предыдущей работы «Развитие капитализма в России. 100 лет спустя».

Начатый тогда спор с правительством о направлениях социальной политики и экономического развития нашей страны был необходим и плодотворен. Взятый сегодня на государственном уровне курс на инвестиции в человека, повышение качества жизни, построение в России общества благосостояния для всех во многом созвучен тем идеям, о которых я говорил в предыдущей книге. Финансовая стабилизация, достигнутая в России за последние годы, начинает наконец преобразовываться в качественное развитие экономики и социальной сферы.

Не менее важно и другое. Книга «Развитие капитализма в России. 100 лет спустя» вызвала большой читательский интерес. Я получил много отзывов от ученых, специалистов, простых учителей, врачей, пенсионеров. И очень

признателен всем за внимание к моей работе, за те мысли и идеи, которые впитывал из ваших писем, статей, откровенных разговоров с вами.

Но все-таки больше всего меня, что называется, зацепил упрек, который несколько раз проскользнул в читательских откликах. Смысл его был в том, что, говоря о прошлом и настоящем российского капитализма, я почти ничего не сказал о неотъемлемой его части — сельском хозяйстве, — о сегодняшней жизни деревни.

Поначалу хотелось даже уйти от ответа. Не мне, коренному москвичу, питомцу городского двора, рассуждать о подобных материях. Но вопрос этот меня так и не отпустил. Наверное, сказалось то, что в свое время сам работал на целине, а позднее — возглавлял Мосгосагропром. Повлияли собственные увлечения пасекой и аграрными технологиями.

Но главное все же в том, что вопрос о земле действительно был, да и во многом остается главным, основным, «сермяжным» вопросом русской жизни.

Вряд ли в истории России последних веков есть реформа более значимая по своим последствиям, чем великое освобождение крестьян 1861 года, давшее начало и развитию капитализма в России, и многим последующим социальным потрясениям.

Революция 1917 года, хоть и рядилась в пролетарские одежды, была по сути своей и духу своему крестьянской. И весь XX век в истории России стал в конечном счете временем иногда чудесного, но чаще трагического превращения России аграрной, России крестьянской в современное индустриальное общество. На «крестьянской телеге» Россия и въехала в ГУЛАГ, и полетела в космос.

Да и сегодня, когда мы уже переступили порог нового века и нового тысячелетия, подлинная Россия все равно коренится там — в нашей земле, в ее трудах и заботах. Там наша история, там наш национальный характер. Там — на русском поле — вызревает и наше будущее.

Об этом моя новая книга.

Земля и воля

«Все у нас перевернулось и только укладывается». Знаменитые слова Льва Толстого о пореформенной России, которые дали Владимиру Ленину возможность назвать Толстого «зеркалом русской революции».

Революция эта случилась не в 1905 и не в 1917 году. Ее подспудное движение, взламывающее вековой аграрный строй российской жизни, началось на полстолетия раньше. Ее коренные вопросы окончательно не решены и до сих пор. Российский сельский капитализм сегодня вновь только нарождается. И вновь далеко не очевидно, разовьется ли он, сдюжит ли. Завершится ли, уложится ли наконец этот великий переворот.

Об истории русской революции на селе, ее стремнинах и заводях можно было бы говорить долго и посвятить этому отдельное исследование. Получился бы вполне увесистый том. Но если пытаться угледеть в этой истории какие-то основные причины нынешней аграрной неустроенности, то, пожалуй, таких причин будет три.

Первая заключается в неизбывной **традиции «подсобного» использования аграрной политики** для чего угодно, но только не для развития самого села и сельского хозяйства.

Общей чертой всех «великих переломов» последних полутора веков было то, что само крестьянство и сельское хозяйство всегда оказывались в конечном счете лишь инструментом для решения политических, экономических и социальных проблем государства. Вспомогательным средством преодоления кризисов или проведения экономической модернизации страны.

В результате **«раскрестьянивание»** стало экономической и социальной основой последующей русской истории, ее оселком. Растревоженная деревня дала толчок всему развитию России в минувшем столетии. Оплатила это развитие кровью и потом, мало чего получив взамен.

Российский капитализм конца XIX — начала XX века взошел на аграрном экспорте, вырос на бурлящих дрожжах крестьянского безземелья и исхода в города.

Сельское хозяйство России и крестьянство сделали возможным и оплатили создание национальной инфраструктуры железных дорог. За счет села осваивались новые территории и велись войны.

Пролетариат, выросший из вчерашнего крепостного крестьянства, стал главной иконой и движущей силой большевистской революции. А сама эта революция победила только потому, что подняла на свои знамена лязгающий лозунг крестьянского бунта, лозунг «черного передела» — «Землю — крестьянам!»

Но уже очень скоро государственные задачи потребовали глубочайшей ревизии революционного союза рабочих и крестьян. Новое «колхозное закрепощение» землю у крестьян отобрало. Коллективизация превратилась в главный источник экономического развития СССР, индустриализации и модернизации страны.

Финансовые и людские ресурсы деревни вновь питали великие стройки первых пятилеток, создавали колоссальную инфраструктуру советской промышленности. И мои родители пришли в 1930-е годы в Москву из села. Отец — из Тверской губернии, мама — из Башкирии.

Главным вопросом российской политики тогда был вопрос о хлебозаготовках в Поволжье и на Кубани, а также о ценах на зерно в Европе и Америке. Точно так же как, сегодня по утрам раньше прогноза погоды мы узнаем объемы добычи нефти в Сибири и цены на нее на Нью-Йоркской бирже.

Собственно говоря, **вторая причина** современного кризисного положения сельского хозяйства связана именно с начавшимся в 60-е годы прошлого века процессом стремительного превращения России в крупнейшего в мире производителя нефти и газа. Она заключается в возникновении **циклической альтернативы «нефть — хлеб» в приоритетах экономического развития страны.**

С тех пор лишь колебания мировых цен на нефть хоть как-то заставляли государство просыпаться и высовывать голову из-под одеяла сырьевой экономики. Только снижение цен на нефть давало национальному производителю, в том числе и аграриям, возможность глотнуть свежего

воздуха. Но и эти «глотки» они получали по стечению обстоятельств, а не в результате государственных решений.

Сельское хозяйство утратило в глазах государства статус стратегической, в том числе экспортной, отрасли национальной экономики и ресурса национального развития. Нефть на чаше весов не просто перевесила хлеб. Она эти весы выверенной и просчитанной экономической политики опрокинула и разбила.

Нефтяной валютный дождь пролился на поля Советского Союза едкой отравой, обернулся «засухой» государственного мышления. У государства хватало средств дотировать цены на продукты питания на 50, а то и больше процентов. Да, в 1970-1980-е годы в сельское хозяйство были закачаны огромные средства. Но эти инвестиции не влекли за собой системных изменений аграрного строя. Не было никакого желания принципиально изменить и модернизировать аграрную экономику. Достаточно сказать, что, согласно выводам многих исследователей, с 1965 по 1982 год государственное и партийное руководство даже и не обсуждало никаких более или менее серьезных программ в области сельского хозяйства.

«Легкие деньги» на село шли, но шли без ума. Тратились без мысли, на простое продление существования колхозной системы. Результатом стало окончательное раскрестьянивание села и печальное угасание деревни.

Обманка широких возможностей развития национальной экономики на нефтяном экспорте постепенно привела не только к деградации многих отраслей собственной промышленности, но и к зависимости от продовольственного импорта и тотальному дефициту.

Принятая в 1982 году знаменитая Продовольственная программа была уже не более чем конвульсивной попыткой вырваться из трясины запустения села. Она запоздала. Сельское хозяйство России к тому времени, по большому счету, все быстрее и быстрее возвращалось к состоянию хозяйства натурального. Стремительное «окукливание» и замыкание деревни на удовлетворении собственных нужд «прирастало» исходом горожан на дачные

шесть соток, ставшие чуть ли не главным оплотом «продовольственной безопасности».

Кризис мировых цен на нефть второй половины 1980-х годов слишком назидательно показал всю пагубность той самой альтернативы «нефть — хлеб» в экономической политике. Он опустошил полки советских магазинов и очень быстро привел страну к почти рабскому состоянию зависимости от иностранных товарных кредитов и гуманитарной тушенки. Так или иначе, но в распаде СССР эти процессы сыграли не последнюю роль.

Но даже на фоне всех этих системных проблем в развитии сельского хозяйства России **главной и фундаментальной остается третья причина — нерешенность вопроса о земле.** А значит — и вопроса об экономических основах земледелия и сельскохозяйственного производства. Нерешенность вопроса об аграрном строе России.

Этот вопрос был и остается «проклятым вопросом» национальной аграрной политики. Поэтому на нем стоит остановиться подробнее. Тем более что корни проблемы уходят в русскую историю очень глубоко, попытки ее решения не ограничиваются только последними полутора столетиями эволюционных и революционных изменений в жизни села.

Можно сказать, что существует некий «магический треугольник», в котором Россия блуждает уже лет пятьсот. Мучительный выбор стратегии сельскохозяйственного развития все время наталкивается на три дилеммы.

Первая — какой тип собственности на землю является оптимальным, наилучшим для России, отвечает ее хозяйственным традициям, особенностям климата и территории, специфике циклов сельскохозяйственных работ?

Этот вопрос о предпочтительности частной или коллективной, частной или государственной собственности на землю на протяжении веков остается самым принципиальным, основополагающим. Он предопределяет не только партийные и политические программы, но и саму философию российской жизни, представлений о будущем страны. Порождает систему «русских идей», идеологию особого пути развития России.

Вторая дилемма возникает при попытке ответить на вопрос о том, какой должна быть собственность на землю — крупной или мелкой? Насколько важной является концентрация усилий, людских и материальных, при освоении огромных российских пространств, и есть ли своя ниша у мелкого сельскохозяйственного производства?

Правда, в конечном счете эта проблема оказывается менее острой, чем предыдущий вопрос о частной собственности на землю, поскольку сводится к поиску той или иной пропорции крупного и мелкого землевладения. Пропорции оптимальной в разные периоды и для решения различных задач.

Наконец, представления о предпочтительности того или иного типа и вида собственности на землю вызывают к жизни третью дилемму российской аграрной политики. Она непосредственно связана с выбором капиталистического пути развития сельского хозяйства. То есть выбором между рыночным, товарным сельскохозяйственным производством и существованием сельского хозяйства в иных формах. Будь то натуральное хозяйство или колхозный строй.

История сельскохозяйственной политики и агроэкономических экспериментов в России заключается как раз в бесконечной смене акцентов в определении стратегии развития села, поисках «философского камня» землеустройства и землепользования.

Этот хаотичный перебор вариантов так и не принес российской деревне и всему государству искомого стабильного состояния и устойчивого развития.

Начать с того, что «земельный вопрос» вообще был одной из основ развития особого типа русской государственности. С XV–XVI веков на Руси постепенно формируется, как его многие называют, **«служилое государство»**. Его ключевой принцип — жалование царской властью служилому сословию дворян земель в условное, временное владение. «Дача поместий» за службу, но без права их дарить и продавать стала основой и опорой великокняжеской и царской власти. Тем более что с середины XVI века даже вотчинное землевладение также было уже обусловлено службой царю.

Несомненно, такая система сыграла огромную роль в становлении и политическом укреплении русского централизованного государства. Одновременно существование в России «неполной собственности» на землю было объективно обусловлено специфическими чертами экономического хозяйствования в присущих России природно-климатических условиях и при существовавшем тогда уровне технологий.

Но в то же время, на определенном этапе, все эти специфические политические и собственно хозяйственные особенности земельных отношений не могли не породить противоречий в дальнейшем развитии страны, которые стали очевидны уже в Смутное время конца XVI — начала XVII века.

В дальнейшем государство смогло восстановить себя и развиваться дальше, только начав, пусть и постепенно, но расширять полноту прав собственности на землю. Так, это право было еще частично ограничено «служилым принципом» до жалованной во второй половине XVIII века вольности дворянства.

Созданная же система земельного выкупа фактически лишала стимулов к экономическому развитию и крестьянское, и помещичье хозяйство. Формирование аграрной рыночной структуры оставалось делом практически невозможным.

Попыткой решения этих проблем были столыпинские реформы. Их результатом должно было стать среднее и крупное частное крестьянское землевладение, не связанное тормозящими капиталистическое развитие общинными путями. За счет перераспределения государственных и выкупа через Крестьянский банк помещичьих земель происходило **«вокрестьянивание земли»**, постепенное становление нового трудового класса сельских собственников. Наконец-то в истории России формировались ориентированные на рынок крупные товарные аграрные хозяйства.

Данный путь развития мог и должен был оказаться чрезвычайно плодотворным. Но Россия, к сожалению, не имела столь необходимых и

чаемых Столыпиным «двадцати лет спокойствия». Вместо этого она получила террористическое убийство премьер-министра-реформатора, потрясения и революции.

Попытка Столыпина создать в России новую собственность на землю дала кровавые всходы реакционного сопротивления. Точно так же как тридцатью годами ранее «бомба земельного вопроса» сразила крестьянского освободителя Александра II.

Курс на формирование в России крупного и среднего частного крестьянского хозяйства, рыночной и капиталистической аграрной экономики был на долгие годы прерван.

После 1917 года задачи поддержания «революционного союза города и деревни», восстановления экономики диктовали на первых порах необходимость сохранения в сельском хозяйстве видимости крестьянской собственности на землю. Но вот рыночность отношений советского государства с крестьянами всегда была весьма условной.

Даже после Кронштадтского восстания, отмены продразверстки и перехода к нэпу **доктрина перекачки средств из деревни в город**, ресурсов сельского хозяйства в промышленность была основополагающей в экономической политике. Минимальные закупочные цены на хлеб, пресловутые «ножницы цен» между аграрной и промышленной продукцией служили главным инструментом индустриального развития страны.

В конечном счете, период нэпа, несмотря на запоздалые «прозрения» Ленина, стал лишь временным отступлением большевиков от генеральной линии на коллективизацию села, обезземеливание и разрушение крестьянства.

Несправедливые для деревни, но все же товарные методы взаимоотношений с крестьянином в период нэпа были отвергнуты и заменены репрессивной политикой насаждения колхозов, раскулачивания и голодомора.

Новый вид социалистической собственности — колхозной — мало отличался от собственности государственной. А положение самих колхозников — от крепостной зависимости. Диспропорция развития промышленности и

сельского хозяйства только усиливалась на фоне сплошных и фактически бесплатных хлебозаготовок, а также грабительских для колхозов условий работы машинно-тракторных станций.

Развитие советского сельского хозяйства не предполагало ни рыночности, ни крестьянской собственности на землю. Основным направлением его усовершенствования оставалось только укрупнение, игра на масштабе. Эта политика порождала фантастические утопии хрущевских агрогородов, или же наоборот — вполне реальные и трагические программы ликвидации «неперспективных» деревень.

Однако ни «индустриализация» аграрного производства, ни экстенсивные целинные проекты, ни периодические государственные программы масштабных инвестиций не сделали советское сельское хозяйство эффективным.

«Мания коллективизации» и иррациональное неприятие частной инициативы и собственности продолжали процветать и после завершения сталинского периода «бури и натиска». Поблажки селу в середине 1950-х годов были ощутимы. Они выразились в установлении более справедливых экономических отношений государства с колхозами, ликвидации МТС и выдаче паспортов до того закабаленным крестьянам. Но одновременно происходило наступление на личное подсобное хозяйство, на частную инициативу. Призрак «кулака» не давал советской власти мыслить нормальными экономическими категориями.

К концу 1970-х годов тупиковость этой логики развития стала очевидной. Темпы роста сельского хозяйства оказались нулевыми или даже отрицательными. «Выкачать» что-то еще из растерзанного тела деревни было уже невозможно.

Без кардинальных изменений аграрного строя, отношений собственности невозможно было вдохнуть в село новую жизнь. Всю эту ситуацию впоследствии точно отразил в одном из своих фильмов Эльдар Рязанов: «Мы не пашем, не сеем, не строим. Мы гордимся общественным строем».

Но жизнь всегда берет свое. И реальная жизнь села опять начала пробиваться в поздние советские годы сквозь чуждый земле «асфальт» социалистических принципов хозяйствования бурным развитием деревенских и городских личных приусадебных хозяйств. На фоне циклопической беспомощности колхозно-совхозного строя, оставившего землю без хозяина, это очередное пробуждение крестьянской частнособственнической жилки лучше всего доказывало необходимость нового вокрестьянивания земли, возрождения рыночной аграрной экономики.

Глядя теперь, из дня сегодняшнего, на историю аграрного развития России, поражаешься тому, что все фундаментальные, «закоренелые» проблемы никуда не делись.

Мы, вроде бы встав на путь рыночного развития, на путь развития капитализма в России, так до сих пор и не определились, каким должно быть сельское хозяйство. Кому и как его развивать. Каковы должны быть принципы земельной политики.

Нынешняя система «бумажных земельных паев», коллективно-долевой собственности на землю вновь воинственно отрицает частную собственность. До рези в глазах напоминает, да и, говоря по правде, полностью воспроизводит со всеми их болезнями и пороками исторически изжившие себя общинное землевладение и колхозный строй. Оборачивается консервацией неэффективного и заскорузлого сельского хозяйства.

Государственная сельскохозяйственная политика по-прежнему остается у нас на положении приживалки и бедного родственника в макроэкономических эмпиреях финансовой стабилизации и эйфории сырьевой экономики.

Тяга к избыточному административному регулированию сельского хозяйства, особенно на региональном уровне, сочетается с практически полным пренебрежением тяжелейшими социальными проблемами деревни. Мы непозволительно мало думаем о повторном освоении, развитии огромной территории России, мы забыли о том, что значительная ее часть — вымирающие деревни и районы, откуда уходит жизнь.

Сельское хозяйство остается главной «жертвенной» отраслью национальной экономики, брошенной на произвол судьбы и отданной на заклятие мировому капиталу. И все это — вопреки национальным интересам и национальной безопасности.

Сегодня, когда у нас вновь все «перевернулось и только укладывается», основной проблемой российской земли и ее труженика по-прежнему остается недостаток свободы и воли. Свободы крестьянского труда на собственной земле. Воли государства к выработке полноценной и осмысленной сельскохозяйственной политики.

Столкновение из столетия в столетие с одними и теми же проблемами может привести в отчаяние. Настала пора остановиться, оглянуться, определиться со стратегией развития сельского капитализма в России.

Всемирная битва за урожай

Вступив в новое тысячелетие своей истории, перейдя порог постиндустриальной революции, человечество тем не менее осталось самим собой, не изменилось в главном. В поте лица своего продолжаем мы добывать хлеб насущный.

Способность каждого заработать на кусок хлеба является главным принципом личной свободы. Способность любого народа и страны прокормить себя остается основой национального суверенитета. Генетический код современной цивилизации высоких технологий и электронных коммуникаций все равно зашифрован в преображении брошенного в землю зерна. Даже проникнув в секреты атомного ядра, познав геном человека и полетев в космос, мы не раскрыли тайну творения пшеничного колоса.

XXI век, несомненно, будет отмечен новыми открытиями и научными прорывами. Но выживание человечества все равно зависит главным образом от того, сумеет ли оно преодолеть пределы роста и собственного развития — экологические, демографические, ресурсные. Сохранит ли и даст ли всем

чистые воздух, воду и землю. Сумеет ли победить голод и нищету, обеспечить ускоренное развитие и достойный уровень жизни наименее развитым странам, окончательно не подорвав по пути устойчивость биосферы.

Даже справившись со столь беспокоящей нас сегодня исчерпаемостью энергетических ресурсов, заменив нефть и газ какой-то новой экономической кровью, мы никогда и ничем не сможем заменить воду и хлеб. И не сможем отменить необходимость каждый день накормить все увеличивающееся население планеты.

Поэтому в новом столетии, чем дальше, тем больше, глобальные процессы будут определяться экологическим и биологическим выживанием человечества. Отсутствием новых неосвоенных земель и пределами их эксплуатации. Демографическими пределами. Усиливающейся конкуренцией за доступ к плодородной почве и чистой воде.

Эти процессы могут вылиться в очередные горячие или холодные, локальные или мировые войны. А могут, наоборот, породить новую аграрную технологическую революцию, которая эту войну остановит или предотвратит. Сейчас возможно и то и другое.

Но для нас крайне важно, что в этом глобальном экологическом и демографическом противостоянии за передел планеты России принадлежит особая и тяжелая роль. В силу своих природных богатств, огромных территориальных и земельных ресурсов, самых значимых на Земле запасов пресной воды наша страна неизбежно окажется в самом центре борьбы. Борьбы, которая будет становиться все более ожесточенной по мере увеличения крайне опасного уже сегодня перепада «демографического давления» — обезлюдивания России на фоне продолжающегося ускоренного роста населения наших ближних и дальних соседей.

Россия должна быть к этому готова. Должна понимать это будущее и уметь себя защищать.

Новая «зеленая революция»

Еще в 1992 году 160 крупнейших ученых из разных стран мира, лауреатов Нобелевской премии, обратились к международному сообществу с меморандумом «Ученые предупреждают человечество». По оценкам этих экспертов, в предстоящие десятилетия проблема нехватки продовольствия станет одной из основных глобальных проблем.

По оценкам экспертов ООН в области народонаселения, к 2050 году численность населения Земли может достигнуть 9-10 млрд человек. В результате, к середине XXI века во всем мире от 1,6 до 5,5 млрд человек (по пессимистичному прогнозу) будут проживать в странах, где не выполняется норматив минимальной обеспеченности обрабатываемыми сельскохозяйственными землями — 0,07 га пахотной земли на душу населения.

Объективный барьер для решения этой проблемы — ограниченность плодородных земельных ресурсов. На протяжении второй половины XX века площадь земель, пригодных для сельскохозяйственного производства, в мире практически не росла. Даже несмотря на бурный научно-технический прогресс, который теоретически, казалось бы, позволяет рассчитывать на вовлечение в оборот тех почв, которые ранее считались непригодными для земледелия. Но нет, по усредненным оценкам, доля сельскохозяйственных земель в последней трети XX века выросла всего лишь с 33,1 до 35,7 % всей суши, а доля пахотных земель — и того меньше, с 10,4 до чуть более 11 %.

Согласно тем же экспертным оценкам, чтобы не превратить человеческую цивилизацию в бойню за кусок хлеба, в перспективе ближайших десятилетий производство продуктов питания необходимо увеличить процентов на 75. Люди, живущие сельским трудом, должны работать еще более эффективно, значимость их труда возрастет, а его плоды должны обеспечивать потребности все большего числа землян.

Но как этого добиться, если даже сегодня проблема голода остается одной из важнейших мировых проблем? По данным все той же ООН, в период с 1999 по 2005 год более 850 миллионов людей во всем мире голодали.

Первые попытки разрешения этих противоречий были предприняты еще в 1960-е годы. Тогда в мире началась так называемая зеленая революция. Ее суть заключалась в разработке новых массовых технологических методов ведения сельского хозяйства, повышении производительности сельского труда и урожайности выращиваемых культур, химизации сельского хозяйства, использовании новых видов техники, новых сортов пшеницы и других культур, проведении политики повышения плодородия почв.

Тогда начатая правительством Мексики программа повышения производительности сельскохозяйственного производства позволила получить невероятные результаты. Страна превратилась из импортера в экспортера зерновых культур. В дальнейшем программа совершенствования сельскохозяйственного производства была расширена и включила в себя Индию и Пакистан, где удалось решить проблему голода примерно для миллиарда человек. Итогом «зеленой революции» стало улучшение продовольственной безопасности в Южной Америке, Юго-Восточной Азии, обширных районах Африки.

Американский ученый Норман Борлоуг, один из разработчиков стратегии «зеленой революции», в 1970 году стал лауреатом Нобелевской премии мира. Причем, понятно, что премия в этой номинации была вручена Борлоугу вовсе не потому, что не существует Нобелевской премии за сельское хозяйство.

Но на сегодняшний день результаты «зеленой революции» не кажутся уже столь очевидными, ее эффект несколько выдохся. Так, согласно международным исследованиям, с 1950 по 1984 год рост урожайности зерновых культур действительно значительно превышал прирост численности населения земного шара. Зерновое производство в пересчете на душу населения за тот период выросло на треть — с 247 до 342 килограммов зерна в год.

И несмотря на то, что генно-модифицированная продукция способна решить множество проблем, дать больше продуктов, даже бороться с отдельными болезнями, потенциальная опасность подобных «рыбоовощей» для здоровья человека достаточно велика. Ведь никто толком так и не знает, чем

«отзовется» через несколько лет или десятилетий в организме каждого из нас эта, с позволения сказать, «еда».

Не меньшие опасения связаны и с возможными последствиями использования генно-модифицированной продукции для окружающей среды. Многие исследователи считают, что использование продуктов с измененными характеристиками угрожает биологическому разнообразию видов, так как ГМ-растения в буквальном смысле лишают места под солнцем своих естественных собратьев.

В конечном счете нельзя исключать, что дальнейшее развитие генных технологий может превратить такую продукцию даже в **управляемое биологическое оружие**. С учетом распространения в мире террористической угрозы перспектива разрешения противоречий XXI века подобным путем, не только открытого, но и скрытого применения биотехнологий, выглядит пугающей.

Не меньше проблем аграрному развитию мира создают не только технологии, но и сами люди. Политика отдельных государств.

В 1998 году Нобелевская премия по экономике была присуждена известному английскому экономисту, философу и социологу индийского происхождения Амартье Сену за его вклад в теорию экономики благосостояния. Его работы показали, что значительная доля вины за голод в современных странах должна быть возложена на правительства самих голодающих стран, их социальную политику и политику по распределению продовольствия. Выяснилось, что значительная бедность и массовый голод могут существовать даже в ситуации высокого и возрастающего производства сельскохозяйственной продукции.

Однако возлагать за это вину исключительно на правительства самих бедствующих стран тоже было бы неправильно. Сельскохозяйственная политика, которую проводят ведущие страны мира, играет тут не меньшую, а то и большую роль.

Так, совокупные годовые объемы субсидий в сельское хозяйство в странах Европейского союза превышают по объему ВВП всех африканских стран. В

цене западной сельхозпродукции объем субсидий является различным, но неизменно высоким.

Данная система не только дает экономические гарантии западным фермерам и обеспечивает производство сельскохозяйственной продукции для поставок на внутренний рынок. Когда развитые страны спонсируют и субсидируют внутреннее производство сельскохозяйственной продукции, излишки направляются в развивающиеся страны. Добровольность и свобода такой внешней торговли весьма условны.

Причина проста. По данным Института сельского хозяйства и торговли США, кукуруза, соевые бобы, хлопок, пшеница и рис — все эти товары продаются развитыми странами на международном рынке по цене ниже реальной стоимости их производства. А иногда продукты вообще можно получить бесплатно в качестве продовольственной помощи западных стран.

Во множестве стран, где данная ситуация является повседневной нормой, небольшие фермерские хозяйства и крупные предприятия более не могут обеспечивать себя, оплачивать удобрения и материалы и вынуждены останавливать производство, продавать земли. Благородная «спасительная» иностранная продовольственная помощь оказывается миной замедленного и безусловного действия против национальной экономики.

То есть западные государства не только субсидируют своих крестьян, но еще и уничтожают на корню нормальное агропроизводство в развивающихся странах. Это необходимо и для контроля над глобальным рынком, поддержания рынков сбыта в будущем. Но в не меньшей степени решаются и политические задачи контроля над другими государствами. По крайней мере, потенциал использования аграрного оружия для вовлечения государства в орбиту влияния своей международной политики или превращения той или иной страны в «государство-изгой» или «неудавшееся государство» существует.

В каких-то обстоятельствах и в какие-то периоды времени сила такого оружия может быть даже большей, чем угроза ракетной атаки или прямого военного вторжения.

Вообще говоря, эта логика действует уже сегодня. Главным приоритетом внешнеэкономической политики тех же Соединенных Штатов официально объявлено открытие новых рынков для американских товаров, экспансия и завладение ими. Россия, кстати, является одним из таких «новых рынков», причем весьма привлекательным.

В соответствии с этой внешнеэкономической, а на самом деле и внешнеполитической идеологией большинство потребителей американских товаров должно проживать не в самих США, а за рубежом. И американское правительство не просто декларирует эти цели, а ведет агрессивную государственную политику. Политику глобальной торговли, которая, если надо, может «вскрывать» внешние рынки не только уговорами, но и с помощью «консервного ножа». Политику методичного расширения экспортных возможностей своих производителей, в том числе, а то и в первую очередь, — производителей сельскохозяйственных.

Смысл этой политики наглядно демонстрируют цифры. Ежегодный объем сельскохозяйственного экспорта США составляет порядка 60 млрд долларов. Военный экспорт Соединенных Штатов — в лучшем случае 12–15 млрд долларов в год.

Все сказанное четко показывает, что роль сельского хозяйства как отрасли мировой экономики сегодня растет. И растет стремительно. Причем это еще и качественный рост — объем проблем, которые призвана решить аграрная политика в XXI веке, колоссален. Но не меньшим кажется и количество новых вызовов человечеству, которые она порождает.

В этих условиях устойчивость и эффективность национального сельского хозяйства в России превращаются не только в вопрос глобальной конкурентоспособности страны, но и в ключевой вопрос обеспечения национального суверенитета, национальной безопасности.

Отгородиться от мира все равно невозможно. Распространение в 2005 году на территории России эпидемии птичьего гриппа или, например, изменение конъюнктуры российского продовольственного рынка после урагана

«Катрина» в США наглядно показали, что мы уже находимся внутри глобального аграрного развития.

Значит, нам пора не только по традиции сравнивать с США, например, наш военный экспорт. Пора задуматься и над тем, почему, обладая таким аграрным потенциалом, мы уступаем тем же Соединенным Штатам в экспорте сельхозпродукции в 10–12 раз. Причем подобные размышления должны выливаться в конкретные действия и государственные решения, уточнение соответствующих принципов национальной безопасности и внешней политики.

Кроме того, нужно помнить, что в глобализирующемся мире культивирование сельского хозяйства — это еще и один из способов сохранения национальной идентичности. Стил и методы сельскохозяйственного производства, традиционные виды ремесел и промыслов, национальные продукты, земля и ее труженики были и остаются связующим звеном между культурно-историческим прошлым, настоящим и будущим народа, каждой нации.

Не случайно сегодня так называемый «агротуризм», «деревенский туризм» — одна из самых быстрорастущих отраслей экономики в мире. Причем речь идет прежде всего о туризме «внутреннем», для граждан собственной страны. Такой туризм становится одним из источников воспроизводства национальной культуры и идентичности.

Одновременно если сегодня, например, японцы в массовом порядке будут приезжать на российский Дальний Восток, чтобы научиться квасить капусту, то это в некотором смысле даже больший «мирный договор» между нашими странами, чем формальный межгосударственный документ.

Аграрная геополитика России

«История России есть история страны, которая колонизируется, — писал Ключевский. — Область колонизации в ней расширялась вместе с

государственной ее территорией. То падая, то поднимаясь, это вековое движение продолжается до наших дней». Этот закон развития страны, сформулированный во второй половине XIX века, обладает колоссальной значимостью и сегодня.

Даже в веке XXI освоение российской территории не завершено и является одной из основных задач развития государства. Потому что сохранение целостности страны в современном мире как раз и означает **способность к «колонизации», культивированию, развитию своей земли**. Способность умело и эффективно распорядиться ее богатствами.

Если это не делаете вы, то сделают другие. Как только территория России или отдельные участки ее потеряют своего владельца, хозяина, работника, само государство перестанет существовать.

На фоне всемирного демографического взрыва перед нами во весь рост встала проблема депопуляции. В перспективе ближайших десятилетий Россия рискует превратиться в «пустое пространство» и стать объектом экспансии со стороны других стран. Если Россия не сумеет сохранить эффективное единство территории, это станет тяжелейшей драмой, и не только для ее граждан.

Сегодня население нашей страны распределено по ее территории крайне неравномерно, а сама Россия в целом — слабозаселенная страна (средняя плотность населения — 8,9 человека на кв. км). Но если Европейская часть России по плотности населения еще сопоставима со многими развитыми странами (здесь она примерно такая же, как в США), то в азиатской части, занимающей 75 % территории страны, проживает всего 22 % населения, а плотность его чрезвычайно низка. Демографический потенциал Сибири и Дальнего Востока явно недостаточен для освоения расположенных здесь природных богатств, да и вообще для создания экономической, социальной и коммунальной инфраструктур даже в пределах так называемой главной полосы расселения, сужающимся клином протянувшейся вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали.

Угроза раздробления России, колонизации иными народами ее восточных территорий в значительной степени является проекцией особенностей, в том числе и сельского развития, азиатских регионов страны. Можно сказать, что аграрное производство в западной части России, особенно в Нечерноземной зоне, развивалось в большей степени интенсивным путем, тогда как восток представлял собой, скорее, зону экстенсивного земледелия. Главным условием сельскохозяйственного освоения восточных территорий в советское время являлась государственная политика по перераспределению миграционных потоков на восток — на освоение Сибири и Дальнего Востока. С распадом Советского Союза регулирование миграционных потоков прекратилось, государственная поддержка колонизации иссякла, достаточная инфраструктура освоения пространства так и не была создана. А не успевшие укорениться на восточных землях «подниматели целины» двинулись в обратном направлении.

Но проблема не только в том, что если в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке и далее сохранится тенденция обезлюдивания, а уровень жизни по-прежнему будет оставаться низким, Россия неизбежно утратит суверенитет над этими регионами. Аналогичные процессы в конечном счете грозят и остальной территории страны. Просто мы их меньше замечаем и они менее политизированы по сравнению с Дальним Востоком, внешней угрозой со стороны соседних государств.

Например, сегодня, даже по официальным данным, число сельских поселений в России, не имеющих постоянных жителей, достигло 13 тысяч, это примерно 10 % общего числа. **Три четверти этих умирающих поселений находится в Центральном и Северо-Западном экономических районах. То есть в историческом центре страны.** И если из них уходит жизнь, то какое же может быть будущее у России?

К тому же Россия теряет свой земельный, аграрный потенциал. Причем теряет сознательно. Начало этому процессу было положено еще в советское время, но он еще более усилился после распада СССР. Если в 1960 году в пользовании сельхозпроизводителей на территории РСФСР находилось

227 млн га сельскохозяйственных угодий, то в 1990-м — уже 222 млн га, а в 2003-м — лишь 220 млн га. Еще существеннее сократились масштабы пахотных земель — со 133 млн га в 1960 году до 132 млн га в 1990-м и всего лишь 117 млн га в 2003 году. Общее же количество посевных площадей упало за период с 1990 по 2003 год на 33 млн га. К настоящему времени эти показатели находятся на еще более низком уровне — ведь запустение земель и процесс перевода земель сельскохозяйственного назначения в иные категории активно продолжается и поныне.

И все это происходит на фоне того, что в мире идет поиск ресурсов для расширения продовольственного производства. Поиск новых земель. Еще раз повторю, недалеко то время, когда разбрасываться миллионами гектаров пахотной и сельскохозяйственной земли станет не просто глупо, но и небезопасно.

В России площадь пахотных земель, пригодных для освоения, составляет 10 % всех мировых запасов продуктивной пашни. Этот «золотой земельный фонд» не останется неосвоенным. Природа не терпит пустоты. Грядущая глобальная борьба за жизненное пространство не потерпит тем более.

Видя все эти проблемы, необходимо помнить, что роль сельского хозяйства и сельского освоения территории государства является ключевой. Даже бегло взглянув на историю России, мы увидим, что крестьянская колонизация страны, освоение земледельцем и казаком новых территорий и районов империи всегда были мощнейшим ресурсом укрепления и развития российской государственности. Уже в начале XX века именно патронируемая государством крестьянская экспансия в Сибирь рассматривалась тем же Столыпиным как важнейший механизм развития капитализма в России, а также решения крестьянского малоземельного и общинного вопроса.

Эти исторические тенденции и закономерности имеют понятное логическое объяснение. Сельское хозяйство, которое характеризуется высокой территориальной рассредоточенностью и низкой концентрацией производства, гарантирует заселенность значительной территории

государства. Заселенность территории, необходимость эффективной организации сельскохозяйственного производства на данной территории стимулируют возникновение коммуникаций, что позволяет связывать периферийные районы страны с центральными областями.

Подобное социальное и инфраструктурное освоение регионов в действительности является главным двигателем развития и укрепления государства. Ведь любому «геополитику» известно, что лучшее и наиболее эффективное средство сохранения государства и его суверенитета — это богатое, процветающее и многочисленное население, работающее на своей земле.

Перед лицом сегодняшних проблем и задач нового развития капитализма в России, в том числе сельского, аграрного капитализма, эти принципы необходимо заучить назубок. Например, нашему правительству давно пора понять, что растущая и хорошо развитая сеть местных, в том числе сельских дорог — это не только альтернативная занятость на селе, развитие торговли и сферы обслуживания, возможность развития агротуризма, гарантия того, что «скорая помощь» доедет вовремя. Это еще и целый ряд других, не менее, а то и более важных следствий и преимуществ для внутренней геополитики государства.

Вместе с дорогами развивается вся инфраструктура — связь, газификация, жилье. Появляются возможности формирования качественно иного рынка труда, повышения трудовой мобильности населения. Возникают новые плацдармы для более интенсивного и полного освоения труднодоступных или же ранее заброшенных земель. Просто-напросто, для повышения уровня контроля над территорией собственной страны.

Наконец, развитие инфраструктуры напрямую работает на снижение издержек сельскохозяйственного производства, повышение товарности сельского хозяйства, создание новых рынков и конкурентоспособность нашего крестьянина в глобальной геоэкономике.

В конечном счете это способствует устойчивому экономическому росту всей страны. Создает благоприятные условия жизни и развития деревни, а значит,

ее процветания. Работает на благо национальной безопасности и целостности государства.

Честно говоря, не знаю, что еще нужно сказать, чтобы убедить одну нашу проблему — дураков — начать наконец решать вторую — строить дороги.

Сегодня на государственном уровне остро необходимо осознание того, что аграрная политика — это не только политика развития одной отрасли экономики. Это еще в полной мере и политика сохранения и освоения территории государства. **Политика сбережения страны и сбережения народа.** Политика национальной безопасности.

Иначе в России продолжится печальный и трагический процесс формирования устойчивых очагов постоянной и непреодолимой сельской бедности. В стране будут расти и множиться внутренние «регионы третьего мира» — своеобразные черные дыры в социально-экономической и политической ткани нашего общества.

И с каждым новым циклом: «неэффективность сельского хозяйства и инфраструктуры — бедность людей — сокращение населения деревни» — в этих «сельских гетто» будут растворяться надежды России на развитие и конкурентоспособность в XXI веке. Чтобы понять, что это такое, достаточно посмотреть на многие страны Азии и Африки. Они борются одновременно с голодом, нищетой, гражданскими войнами и при этом непрерывно просят помощи у западных стран.

Чтобы всего этого не произошло у нас, России необходимо осознать и решить поистине фундаментальную социологическую проблему — **обеспечить возвращение людей в деревню.** Понимая при этом, что процесс урбанизации, роста городов являлся на протяжении веков естественным для любого современного общества. Что доля сельского населения России сократилась за последние полтора столетия с 85 до 25 % и этот процесс экономически объективен.

Кроме того, из-за перекосов «индустриальной мобилизации» у нас жизнь на селе оказалась практически равнозначна занятости и работе в сельском хозяйстве. В результате и сегодня изменение структуры аграрного сектора и

сокращение занятости в нем продолжают восприниматься как процесс, равнозначный сокращению общей численности сельских жителей.

Однако это не так. И не должно быть так с точки зрения социально-экономических и геополитических интересов развития страны. Сохранение необходимого уровня сельской колонизации территории России, недопущение гипертрофированного роста городов, создание качественных моделей неаграрной занятости и жизни на селе — все это крайне важные для сегодняшней России задачи. Задачи государственной политики. И для их решения необходимо сформулировать и реализовать на государственном уровне полноценную программу возвращения к жизни российского села.

В советское время был такой достаточно известный лозунг — о «выравнивании города и деревни». Однако дело тут не только в том, чтобы создать на селе сопоставимый с городом уровень жизни, уровень доходов населения. Необходимо еще — а то и в первую очередь — создать на селе совершенно иное качество и комфортность жизни. Обеспечить полноценные возможности для самореализации человека, если он живет в деревне. Причем еще раз подчеркну, для самореализации не только в аграрном производстве, но и в любых других сферах.

У сельской жизни в наше время есть целый ряд очевидных и ценных преимуществ — экологических, психологических. В современном мире — это важнейшие факторы социального самочувствия человека. И было бы обоснованным предполагать, что, при прочих равных условиях эти самые преимущества жизни на селе могли бы подвигнуть многих людей переселяться в деревню, спасаться от давления мегаполисов в «одноэтажной» пригородной и сельской России.

Подобные процессы начинают сегодня происходить в тех же странах Европы. Уровень жизни и качество развития инфраструктуры на селе обеспечивают здесь необходимый комфорт и пространство для самореализации человека. Жизнь в городе больше не является для этого необходимым условием.

Вот и нам «выравнивать» сегодня нужно не только экономические условия существования в городе и деревне, но всю инфраструктуру жизни, качество «жизненного пространства». Массовый сельский средний класс, массовый «сельский буржуа» — именно то, что сегодня нам необходимо прежде всего. Говоря пушкинскими словами, нужно вновь превратить деревню в «приют спокойствия, трудов и вдохновенья».

Недавно Китай заявил о том, что к 2010 году намерен серьезно модернизировать свои сельские районы. В частности, полностью ликвидировать сельскую бедность в стране. На это будут брошены огромные ресурсы. КНР намерена не только поднять уровень доходов крестьян, но и внедрить новые аграрные технологии, улучшить экологию на селе, построить дороги, дать людям новое образование и расширить возможности неаграрной занятости в сельской местности. Практически нет сомнений, что китайцы своего добьются — за последние пятнадцать лет сельская бедность в КНР уже сократилась более чем в 5 раз.

Редкий на самом деле пример, когда нам действительно стоило бы вспомнить лозунг «догнать и перегнать». Надо ведь еще учесть, что другая сторона китайской стратегии — это стимулирование миграции китайских крестьян. В том числе миграции в Россию.

Покушение на убийство

Недальновидность аграрной политики в современной России становится особенно очевидной еще и в контексте такой проблемы, как вступление нашей страны во Всемирную торговую организацию (ВТО). Наш сельский капитализм не просто сталкивается с коренной трансформацией торгово-экономических отношений между государствами на международной арене. Не просто попадает в тяжелую зависимость от глобальных процессов. Он оказывается еще и в центре нового внешнеполитического соперничества государств, проверяющего на прочность конкурентоспособность российской экономики.

Процесс расширения ВТО на самом деле представляет собой экспансию — присоединение новых членов на правилах и принципах, установленных первыми государствами, вошедшими в ВТО. В процессе многосторонних и двухсторонних переговоров уже действующие участники системы международной торговли активно применяют средства давления на соискателей членства в организации.

Россия испытывает это давление в не меньшей, а даже большей степени, чем многие другие страны. Ведь страх перед нашим экономическим потенциалом, в том числе в аграрном секторе, заставляет другие государства «подстраховываться» выставлением нам максимально тяжелых и жестких условий.

Вот цифры. Первоначально запрашивавшиеся нашей страной при вступлении во Всемирную торговую организацию общие размеры государственной поддержки села и аграрного экспорта составляли 83 и 1,6 млрд долларов соответственно. На сегодняшний день наши запросы увяли до всего лишь 10 млрд. долларов на поддержку села и около 160 млн долларов на поддержку экспорта.

Жесткий прессинг со стороны стран — членов ВТО ощущается и по вопросу о приоритетах расходования тех средств, которые запрашивает Россия. Настаивая на преимущественном расходовании этой суммы на развитие второстепенных секторов растениеводства и животноводства, страны ВТО фактически открыто выступают за сокращение экспортного потенциала России по основным товарным сельскохозяйственным категориям — зерновым, масличным культурам.

Такая политика лидеров мирового аграрного рынка в отношении России как раз особого удивления не вызывает — нам не впервой сталкиваться со страшилками про «русского медведя» и желанием его укротить.

Не очень понятно другое: почему и зачем наше правительство идет на огромные жертвы для национальной экономики ради того, чтобы просто влиться в этот «террариум друзей» свободной торговли? Почему не торгуется до последнего, как это делал тот же Китай. Да что Китай. Даже Монголия в

союзе с некоторыми другими странами умудрялась несколько лет назад вести упорные и во многом небезуспешные переговоры, чтобы сохранить льготное кредитование сельхозпроизводителей, предоставление государственных субсидий на аграрное производство и закупку аграрной техники.

Мы этого не делаем. В результате на примере сельского хозяйства дурная «жажда вступления», достойная лучшего применения «политическая воля» федерального правительства звучит явным диссонансом с экономической логикой.

Для отечественного села в его текущем состоянии вступление в ВТО в ускоренном режиме не просто представляет серьезную опасность. Именно сельское хозяйство и завязанные на село отрасли промышленности понесут едва ли не наибольшие издержки среди всех отраслей отечественной экономики.

По расчетам Минсельхоза России и Россельхозакадемии, присоединение России к ВТО приведет к снижению доли России в мировом экспорте с 1,3 до 1 %, при одновременном увеличении доли в импорте с 1,9 до 2,3 %.

В итоге суммарный риск снижения конкурентоспособности аграрного сектора России составит 4 млрд долларов. В то время как аналогичная сумма — около 4,2 млрд долларов государственной поддержки — ежегодно требуется только на воспроизведение нынешнего, по сути дела, стагнирующего уровня отечественного сельского хозяйства. Впрочем, и этих средств сегодня село не получает.

Последовательно уступчивая позиция России на переговорах по ВТО выглядит еще более странно, если учесть, что по сравнению с ведущими странами мира уровень протекционизма и государственной поддержки сельского хозяйства в России является минимальным.

Достаточно взять даже тот временной промежуток 1993–1995 годов, который сегодня, после серии необъяснимых уступок, мы предлагаем странам ВТО принять за основу для расчета уровня допустимой государственной поддержки сельскохозяйственного сектора.

Такой показатель, как агрегированные меры поддержки в расчете на один гектар пашни, составлял в то время в России 65 долларов, в США — 333 доллара, а в Евросоюзе вообще 1587 долларов на один гектар. Повторяю прописью, если кто не понял, — тысяча пятьсот восемьдесят семь долларов. То есть **уровень поддержки европейского крестьянина в 24 раза больше, чем в России.**

В настоящее время величина импортных тарифов на сельскохозяйственное сырье и продовольствие в России намного ниже, чем в странах — членах ВТО. Средневзвешенный импортный таможенный тариф на сельскохозяйственную продукцию в России составляет порядка 15 %. В развитых странах — членах ВТО — в несколько раз выше. По отдельным группам товаров — выше в 10 и более раз. Пусть даже на момент предстоящего вступления в ВТО импортный тариф у нас должен еще немного вырасти. Все равно он будет ниже, чем у конкурентов.

Нельзя упускать из виду и то, что вопрос импортных пошлин при вступлении в ВТО является очень болезненным для такой отрасли нашей экономики, как машиностроение, в том числе сельскохозяйственное. И здесь мы опять не оставляем себе пространства для маневра. Максимально возможный размер тарифов предлагается зафиксировать на существующем уровне — 5 % по большинству номенклатуры импорта. То есть мы окончательно открываем рынок для импортной техники и даже не пытаемся выторговать какую-то растяжку во времени. Логика у такого решения может быть только одна — правительство подписывает отечественному сельскому машиностроению приговор. Смертный приговор.

Кроме того, по мере присоединения к ВТО никто не гарантирует нашего крестьянина от дальнейшего ухудшения ситуации. Взять, к примеру, уже избитый пример с импортом мясного сырья. В 2003 году введен безусловно протекционистский механизм квотирования импорта, подразумевающий постепенное снижение квот и запретительные пошлины на сырье, поставляемое к нам сверх квоты.

РЕКЛАМА	РЕКЛАМА	РЕКЛАМА
---------	---------	---------

Но, во-первых, не введены ограничения на продукты переработки мясного сырья. Хотя во всем мире импорт готовой продукции стараются тормозить намного больше, чем импорт сырья. В результате ничто не мешает сегодня заполнять Россию вместо сырого мяса какими-то его упакованными и обработанными вариациями. Причем по фактически субсидированным ценам, да еще выдавая эту продукцию за произведенную в Белоруссии и на Украине, а иногда и вообще за «сделанную в Калининграде».

И это еще не все. Квоты два года назад ввели. Но вот в 2005 году в качестве очередной политической уступки на переговорах по вступлению в ВТО российское правительство делает шаг в противоположном направлении — заключает соглашение с США о повышении квот для американского импорта. Как в таких условиях российским инвесторам планировать свой бизнес, как в следующий раз верить государству, вкладывая средства в расширение животноводческих мощностей, — непонятно.

Вывод прост — **русская национальная аграрная политика и так сегодня является одной из самых либеральных в мире**. Настаивая на присоединении к ВТО в максимально краткие сроки, мы рискуем войти в систему всемирной торговли структурно абсолютно неготовыми к конкуренции. Одновременно угробим свое тракторное и сельскохозяйственное машиностроение, комбикормовую и химическую промышленность, мясомолочное перерабатывающее производство.

Логическим итогом всего этого изначально ущербного стремления нашего правительства вляпаться в ВТО является мизерный объем запрашиваемого Россией уровня разрешенной поддержки сельского хозяйства. Мы торгуемся за то, чтобы нам разрешили тратить на сельское хозяйство 10–15 млрд долларов в год. И постоянно отступаем к нижней планке этого интервала.

Евросоюз, США, Япония оперируют совершенно иными возможностями государственного финансирования сельскохозяйственных программ. Для США разрешенный ежегодный уровень государственной поддержки села составляет 30 млрд долларов, для Японии — 38 млрд долларов. Для

Евросоюза и вовсе почти в 10 раз больше запрашиваемого российской стороной — 90 млрд долларов.

Очевидной же выгоды от ускоренного вступления России в ВТО для отечественного сельского хозяйства не просматривается. Можно, к примеру, долго слушать рассказы нашего правительства о том, что после того как Россия сама себя засунет в мясорубку мировой свободной торговли, для нас якобы, откроются внешние рынки, а в российскую экономику приплывут дешевые «длинные деньги» западных банков и страховщиков.

Однако внешние рынки с существующей на них бешеной конкуренцией еще нужно открыть. Посмотрите, как эти рынки «открылись» для новичков из стран Восточной Европы, недавно вступивших в ВТО. А наши финансовые ресурсы, возможности субсидирования экспорта несравнимы с встречным цунами импорта.

Рассчитывать, в свою очередь, что западный финансовый ресурс сразу же будет направлен в форме кредитов на село, преждевременно. Уж слишком сильно отличается ментальность российских заемщиков и западных кредиторов. Для последних чужды и по меньшей мере странны такие «атавизмы» российского сельского хозяйства, как преобладание подсобных производств в общей структуре сельскохозяйственного производства. Наличие огромной задолженности аграрного сектора перед бюджетами разных уровней. Отсутствие четких гарантий прав собственности сельхозпроизводителя на возделываемую им землю и зависимость сельского капиталиста от своеволия такого новорусского «барина-боярина» — присосавшегося к земле чиновника.

После полной либерализации аграрного и продовольственного рынка в начале 1990-х годов, после 15 лет хронического недофинансирования села отечественное сельское хозяйство вновь попадает «из огня да в полымя». Попадает в новый, сверхлиберальный рынок ВТО без серьезной государственной помощи. В результате сельский капитализм в России рискует «умереть, не родившись».

Впрочем, даже после этого капитализм в российском сельхозпроизводстве вполне даже возможен. Вот только это будет целиком иностранный, принадлежащий западным странам аграрный сектор с дешевой рабочей силой российского крестьянина. Никто и ничто тогда не помешает иностранному хозяину скупить наши сельхозугодия, элеваторы, перерабатывающие предприятия. Окончательно похоронить сельское машиностроение. И после этого именно иностранный капитал будет на российских плодородных землях осуществлять конкурентное производство сельхозпродукции и завоевывать с ней мировые рынки. Только это уже будет не Россия!

Сельский капитализм в России сегодня

Втягивание России в глобальный рынок на невыгодных ей условиях — далеко не единственная проблема нашего аграрного капитализма. В развитии сельского хозяйства у нас существует огромное количество и застарелых, и относительно новых экономических и социальных проблем. Из-за того, что правительство занято другими делами, более «интересными» макроэкономическими вопросами, их решению уделяется очень мало внимания.

Конечно, сегодня, в рамках обозначенной Президентом России системы национальных проектов, наше правительство начинает хоть немного шевелиться и поворачиваться к сельскому хозяйству лицом. Но все равно возникает опасение, что масштаб планируемых решений и действий в аграрной политике может оказаться недостаточным.

«Макроэкономическое» и «технократическое» восприятие аграрной сферы как всего лишь одной из отраслей экономики не позволяет нашему правительству увидеть главное. Увидеть, что сельское хозяйство — это фундамент национального развития и одна из глубинных основ социальной консолидации.

В 1876 году в «Дневнике писателя» Федор Михайлович Достоевский отмечал: «Весь порядок в каждой стране — политический, гражданский, всякий — всегда связан с почвой и с характером землевладения в стране. В каком характере сложилось землевладение, в таком характере сложилось и все остальное. Если есть в чем у нас в России наиболее теперь беспорядка, так это во владении землею, в отношениях владельцев к рабочим и между собою, в самом характере обработки земли. И покамест это все не устроится, не ждите твердого устройства и во всем остальном».

Золотые слова нашего великого писателя и философа, не потерявшие ни грамма значимости за минувший век с лишним. Слова — до сих пор указывающие на истинное и подобающее место аграрной политики в решении тех стратегических задач, которые стоят перед Россией в XXI веке.

Нам сегодня необходимо срочно и существенно усиливать нашу государственную политику в аграрной сфере. Придать ей совершенно иное качество и глубину. А для этого прежде всего важно пристальнее взглянуть в процессы, происходящие ныне на селе и в аграрной экономике.

Период полураспада

Нужно сказать, что для нашего сельского хозяйства большой удачей стал экономический кризис 1998 года. Кризис сырьевой экспортной экономики, связанный с резким падением мировых цен на нефть. Опять проявилась историческая закономерность нашей экономической политики — только исчезновение валютной нефтяной «подушки» заставляет государство думать о собственном производителе.

Именно тогда аграрный сектор, как и некоторые другие отрасли внутреннего производства, смог хоть немного задыхаться, выскочить из-под пяты импорта.

Девальвация рубля позволила существенно увеличить эффективность и конкурентоспособность российского сельскохозяйственного производства.

В сельском хозяйстве начался экономический рост. В целом за шесть лет — период с 1999 по 2004 год — он составил 26 %. В 1999–2001 годах аграрный сектор рос на вполне внушительные 5–7 % в год. Отечественная пищевая промышленность, наконец востребовавшая и получившая российское сырье, росла еще быстрее — до 14 % в год.

Однако «счастье», как это обычно и бывает, длилось не очень долго. Уже с 2002 года рост российского сельского хозяйства стал стопориться — не больше 2 % в год. На фоне общего роста экономики в среднем на 6–7 % это уже был фактически новый сельский кризис.

К 2005 году весь восстановительный эффект девальвации 1998 года был исчерпан. Уровень импорта сельскохозяйственной продукции сегодня по многим направлениям превысил «додефолтные» показатели. Темпы роста импорта гораздо выше, чем у отечественного сельского хозяйства с его стагнирующими 1,5 % в год.

Понятно, что свою роль в том, что село снова споткнулось, сыграли восстановление высоких цен на нефть и рост сырьевого экспорта. Иначе говоря, снова воспроизвелась в полной мере уже не раз упомянутая цикличная альтернатива «нефть — хлеб» в приоритетах экономической политики.

Однако дело не только в этом. Экономический рост начала 2000-х годов выявил целый ряд внутренних, родовых проблем сельскохозяйственной отрасли. Как отмечают многие эксперты, **никакого единого сельского хозяйства сегодня в России: нет**. Единой, однородной аграрной экономики не существует.

Сегодняшнее сельское хозяйство, его отдельные сектора живут у нас сразу в нескольких измерениях, в нескольких параллельных реальностях. В отношении некоторых из них можно говорить, что там развивается нормальный сельский капитализм. Другие же часто вообще имеют слабое отношение к экономике и организованы по каким-то совершенно иным законам.

Прежде всего, спецификой аграрной отрасли на данный момент является произошедшая в последние годы и описанная многими специалистами резкая поляризация самих сельхозпредприятий.

С одной стороны, восстановительный экономический рост первой половины 2000-х годов, меры государственного финансового оздоровления сельского хозяйства запустили в отрасли «химическую реакцию» создания нормального сельского капитализма, формирования мощного ядра эффективных хозяйств. Многие прежние предприятия были реорганизованы, приобретены частным бизнесом, получили инвестиции, современные технологии. По той же схеме российский бизнес создавал и совершенно новые производства.

Но одновременно в российском сельском хозяйстве сохраняется огромное количество неэффективных производств. Многие из них убыточны и постоянно находятся на грани банкротства. Экономический рост последних лет сыграл с ними злую шутку — подморозил их загнивание и продлил агонию. Поэтому массовый кризис, «массовый падеж» неэффективных сельхозпроизводителей еще впереди. Нельзя забывать и то, что именно в этих хозяйствах сегодня занято наибольшее количество работников.

Другую серьезную проблему представляет нарастающая территориальная концентрация высокопродуктивного сельскохозяйственного производства. В нынешней России пригородное хозяйство и хозяйство деревенской глубинки, сельское хозяйство юга страны, ее центральных районов и, например, Поволжья и Сибири — все это, как говорится, даже не «две большие разницы», а гораздо больше.

Если посмотреть, например, где сосредоточены самые продуктивные и эффективные хозяйства зернового рынка, то это будет практически в чистом виде Южный округ страны. Причем, согласно данным исследований Аналитического центра агропродовольственной экономики, год от года данная тенденция нарастает в полном соответствии с увеличением разрыва в урожайности по линии «юг — север». В 2004 году этот разрыв уже достиг почти двукратных значений — 35–36 и больше центнеров с гектара на юге страны и

всего лишь 18–20 центнеров с гектара в среднем по центральным и северным регионам.

В свою очередь, предприятия — лидеры животноводства — это прежде всего пригородные хозяйства, ориентированные на товарные рынки крупных городов. Все остальные практически неконкурентоспособны. И едва ли не в первую очередь из-за слабо развитой инфраструктуры. Чем дальше от города, тем меньше обеспеченность дорогами, связью, газом. Экономическая эффективность в подобных условиях невозможна.

Поляризация экономической и территориальной эффективности хозяйств объективно ведет и к концентрации производства, его укрупнению. Как показал в своих исследованиях профессор Василий Узун (Всероссийский институт аграрных проблем и информатики), наиболее заметно это в животноводстве и птицеводстве, где, например, всего лишь 100 самых крупных компаний сегодня производят более 50 % птицы и свинины.

Зерновой рынок не столь концентрирован, но и здесь по сравнению с серединой 1990-х годов показатель концентрации производства вырос более чем в 2 раза. За тот же период на молочном рынке аналогичный показатель концентрации увеличился почти в три раза.

В целом, по данным тех же исследований, сегодня 40 % сельхозпредприятий, которые финансово благополучны, производят 75 % всей товарной продукции национального сельского хозяйства. Остальные, по большому счету, существуют вне рынка, вне товарной экономики, на полунатуральной основе. То есть фактически за пределами формирующегося сельского капитализма в России.

Нельзя забывать и о личных подсобных хозяйствах, которые в результате экономического провала начала 1990-х годов стали основой сельскохозяйственного производства и выживания населения деревни. Тенденции их развития также противоречивы.

Уже сегодня отношение к даче, например, у москвичей и жителей других регионов совершенно разное. По данным ВЦИОМ, почти 60 % россиян считают имеющуюся у них дачу скорее подсобным хозяйством,

дополнительным источником дохода. Но вот среди жителей Москвы и Санкт-Петербурга особенно высока доля тех, кто на даче в первую очередь отдыхает, — 72 %. А ведь еще недавно цифры были почти одинаковыми. В первой половине 1990-х годов почти все москвичи тоже занимались на даче выживанием и самообеспечением продуктами.

Ясно, что на фоне экономического роста сельского сектора и появления в нем эффективного «капиталистического ядра» личное подсобное хозяйство будет сокращаться. Вытеснение с дач картошки цветочными клумбами произойдет не только в столицах, но и в других регионах, где сложится эффективный аграрный капитализм.

И только там, куда не придут эффективные агрохолдинги и фермеры, где у людей не появится возможность работать и нормально зарабатывать на сельскохозяйственном предприятии или благодаря новым, альтернативным формам занятости на селе, — только там личное подсобное хозяйство останется основной формой выживания сельского населения.

Все описанные противоречивые тенденции в развитии села, происходящий распад единого сельского хозяйства на целый ряд секторов, слабо связанных между собой едиными закономерностями развития, может быть, и не были бы столь большой проблемой, если бы не одно «но». Загвоздка в том, что у **государства по отношению ко всей этой сложности сельского развития отсутствует внятная и последовательная аграрная политика.**

Не просчитывается, что одни и те же действия, управленческие сигналы совершенно по-разному, иногда прямо противоположно могут влиять на многочисленные «параллельные реальности» сельского хозяйства. Часто игнорируется слабая приспособленность сельского хозяйства к условиям чистой рыночной стихии, зависимость от внешних факторов и климатических условий, сезонность производства, специфика спроса на сельхозпродукцию.

До сих пор государством не осознана и такая основополагающая вещь в аграрной экономике, как специфика циклов аграрного производства. Здесь самый-самый короткий производственный цикл составляет не менее 4 месяцев. А в среднем, аграрные циклы производства составляют от 2–3 до 7–

8 лет. Вспомните, например, семипольную систему землепользования. Или сколько времени необходимо на создание полноценного и качественного стада крупного рогатого скота.

Все это принципиально отличает сельскую экономику от многих других отраслей промышленности и национального хозяйства в целом. А традиционное для нашего государства годовое планирование — слишком малый срок и недостаточный инструмент для регулирования сельского хозяйства.

Неспособность же и нежелание перейти к долгосрочному планированию, построить соответствующие модели развития отрасли и ее государственного финансирования становятся серьезной проблемой аграрной политики.

Другой пример — обвальное падение технической оснащенности сельского производства. Износ транспорта, машин и оборудования в отрасли достигает 60 %, а по некоторым экспертным оценкам — и всех 80 %. Средний возраст тракторов на селе сегодня составляет вполне пенсионные для них 10–11 лет. Производство сельхозтехники упало что называется, дальше некуда — сегодня оно составляет по разным видам машин от 4 до 12 % к уровню 1990 года. Уже не говоря о том, что технологический уровень сельского машиностроения в мире за последнее десятилетие ушел вперед.

Ситуация парадоксальная. Дефицит современных мощностей на селе очевиден, но продукция отечественного сельскохозяйственного машиностроения не востребована.

Причина не только в неплатежеспособности села, но и в странной, ориентированной только на импорт техники, государственной политике. Например, по лизинговой программе на село поставляется в основном западная продукция сельскохозяйственного машиностроения. И это ежегодно провоцирует полутора-двукратный прирост импорта продукции сельскохозяйственного машиностроения в Россию.

Получается, что наше правительство, давая, между прочим, государственные, народные деньги на лизинг, поддерживает: западного производителя. На этом фоне даже создание в России сборочных производств

западной техники уже выглядит хотя бы относительным благом. Но на самом деле и это не более чем обходной путь все той же политики. «Джон Диры» и «Клаасы» — это, конечно, хорошо. Но не ценой же уничтожения собственного «Дона» и «Енисея».

Или возьмем такие цифры. По подсчетам Минсельхоза России, производственный потенциал, которым обладает наша страна, — 110–120 млн тонн зерна в год. Но даже сегодня, когда мы собираем по 70 млн тонн зерна, селянин стонет и плачет. От обиды и непонимания. Он горд за свой труд, он ждет настоящей, адекватной оценки этой титанической работы. Но цены на зерно нет. Урожай большой, а цена копеечная. Продать его за нормальные деньги, оправдать затраты, отдать кредиты, накормить и одеть семью невозможно. Над российским селом сегодня царит **проклятие большого урожая**.

Вроде бы есть попытки решать проблему, но все они робкие и половинчатые. Ввели государственные интервенции, но они или запаздывают, как было до нынешнего года, или же столь мизерны по объему, что не позволяют вывести рыночную цену зерна на нормальный уровень. Я уже не говорю о том, что решения о выделении средств принимаются на ходу, требуется личное вмешательство в ситуацию президента страны, чтобы хоть что-то заработало. Пробиться на конкурентные экспортные рынки также сложно, тем более без серьезной государственной поддержки. Да и не могут хозяйства, как правило, попасть туда напрямую.

В результате крестьянина все равно кидают под перекупщика с его копеечными ценами или заставляют выворачиваться с хранением зерна. Это тоже стоит огромных денег, да и качество, естественно, теряется, часть урожая сгнивает. Может быть, ситуацию могли бы поправить инновации в аграрном производстве, например безобмолотные технологии уборки зерна. Но таких долгосрочных мыслей, каких-то действий в этом направлении нет. Вообще нет системы долгосрочных мер по этому вопросу.

Справиться с парадоксами урожая можно еще и качественным развитием перерабатывающей промышленности и животноводства. Преобразуя зерно в

конечную продукцию и наращивая его добавочную стоимость. Как по-простому, по-крестьянски говорит тот же краснодарский губернатор Александр Ткачев, «нужно пропускать зерно через корову». А он-то знает ситуацию — для главной житницы страны Кубани проклятие большого урожая главная проблема из года в год.

Но тут нельзя увернуться и еще от одного вопроса, который актуален для любого крестьянина. Это — цены на «горючку». По-научному эта проблема называется вымыванием денег из села из-за ускоренного роста цены солярки по сравнению со стоимостью самой сельхозпродукции.

По данным Минсельхоза России, доля затрат на горючее в себестоимости продукции сельского хозяйства увеличилась с 2,5 % в начале 1990-х годов до 9,5-10 % в 2004 году. Если в 1990 году для приобретения 1 тонны дизтоплива необходимо было реализовать 0,5 тонны пшеницы, то в 2004 году — уже 4 тонны. В прошлом году по закупочной цене один килограмм живого веса крупного рогатого скота был эквивалентен 1,5 литра бензина, а свиней — 2,5 литра. Чтобы купить литр дизельного топлива, крестьяне вынуждены были продавать 3 литра молока. В результате только за прошлый год из-за подорожания горючего село потеряло 20 млрд рублей.

Объявленная в конце 2005 года заморозка цен на бензин скорее всего закончится вполне традиционной для нас ситуацией — «хотели как лучше, а получилось как всегда». У нас и так каждый год цены на топливо растут строго по графику — накануне посевной и уборочной. Трудно себе представить, что нас ждет ближе к весне 2006 года.

Скачки цен на топливо никогда не прекратятся, пока налог на добычу полезных ископаемых у нас жестко привязан к галопирующим мировым ценам на нефть. Наш сельхозпроизводитель, да и вообще любой внутренний национальный производитель, так и будет расплачиваться своим трудом и своей копеечкой за взрывы в Ираке, природные катаклизмы в Мексиканском заливе или рост производства в Китае. То есть за все, что двигает вверх мировые нефтяные цены.

На этом фоне предложения Минэкономразвития крестьянам закупать топливо на год вперед, выглядит откровенным призывом «веревку приносить с собой». Очевидно же, что средств, чтобы купить достаточное количество топлива, да еще по нынешней заоблачной цене, да на год вперед, у российского села просто нет. Ну а если вдруг — исключительно вдруг — цены на топливо в будущем году упадут, то купленная сейчас «на всю оставшуюся жизнь» солярка превратится просто в золотой гроб отечественного агропрома.

Вот и получается, что диспропорции развития аграрного сектора и сырьевых отраслей, попустительство правительства этому процессу год от года ведут только к одному. Оправданным экономическим поведением крестьянина скоро станет отказ сеять, отказ обрабатывать землю, отказ убирать урожай. В целях экономии топлива и ради справедливой цены на зерно.

Вообще говоря, именно этого и ждут, нервно потирая ручки, все те же глобальные аграрные корпорации. Наш сельскохозяйственный и продовольственный рынок им и так как медом намазан. Ну а если мы еще собственными руками расстелем его перед ними — налетят как саранча. Радости будет много, но только не у нашего крестьянина.

Стон земли

Не будет преувеличением сказать, что все отмеченные экономические проблемы развития сельского хозяйства в сегодняшней России во многом растут из одного корня. Из того самого названного Достоевским беспорядка во владении землей. Нерешенность пресловутого земельного вопроса, отсутствие эффективной собственности на землю по-прежнему более всего тормозит развитие села.

По мысли наших реформаторов, свою основную миссию по отношению к крестьянству и сельскому хозяйству государство, видимо, выполнило в начале

1990-х годов. Тогда, когда провело **массовую «паевизацию»** села, которая по своим долгосрочным последствиям для российской деревни стоит в одном позорном ряду со знаменитой чубайсовой «ваучеризацией» отечественной экономики.

Выделив тогда под избитым лозунгом «Земля — крестьянам» земли из коллективной в долевую собственность, государство на практике оставило крестьян без этой самой земли и других средств к существованию.

«Земельные паи» и по сию пору большинство сельчан видели лишь в форме красивого свидетельства о праве долевой собственности на землю. Паи остались бумажными и виртуальными, ведь система и не предполагала реального выделения крестьянам земли, которую можно потрогать, почувствовать пригоршню в руке.

А значит, **крестьянин по-прежнему оказывается в положении полукрепостного**, поскольку бумажку на землю не обработаешь, но и никуда от нее денешься. Даже продать свободно зачастую не получится, поскольку властные князьки зорко следят, чтобы ничего не ушло «на сторону». Тут задействуются все возможные рычаги для сохранения и даже приумножения реального контроля за землей, пусть и не принадлежащей государству официально.

Уезжают сельчане на постоянные заработки в города, забывая про свои «бумажные» паи, — эта земля де-факто попадает под надзор местных властей и руководителей сохранившихся «для отчетности» кооперативов на базе колхозов и совхозов. Умирает крестьянин — и не может даже завещать никому, кроме родного колхоза или других коллег-дольщиков, свой «бумажный» пай.

Не возделывает крестьянин формально принадлежащую ему землю более 3 лет, не сумев найти денег и сил, чтобы пройти нескончаемый путь обмеров и согласований для выделения земельного пая в натуре, — государство (читай, тот самый новый помещик из региональных чиновников) по закону может забрать эту землю в государственный фонд.

А сегодня еще над «спаянными одной цепью» крестьянами нависает дамоклов меч срока обязательного переоформления прав собственности на их «бумажную землю». Уже через год, в январе 2007 года, произойдет новый земельный передел тех участков, которые так и не узнают своего нынешнего бумажного владельца в лицо. А попадет эта не переоформленная земля в муниципальную собственность.

Передел этот грозит не только крестьянам-собственникам паев, но и тысячам вполне успешных агропредприятий и фермерских хозяйств. Ведь работают они сегодня чаще всего не на своей собственной земле, а на арендованной у «бумажных землевладельцев».

Такое происходит даже тогда, когда крестьяне все же предпочитают продать свои паи, получить деньги и потом перейти на хорошо оплачиваемую работу к новому сельскому инвестору. Ведь во многих сельскохозяйственных регионах эффективный сельхозпроизводитель не может оформить право собственности на приобретенные паи на свою, уже выкупленную и обрабатываемую им землю.

Это происходит именно в таких регионах России, как, например, Белгородская область, которые природой наделены наиболее богатыми и плодородными землями. И где уже в силу этого ни о каком ином интересе бизнеса, кроме развития сельского производства, речь не идет.

А ведь в сельском хозяйстве, в отличие от промышленности, потребность в частной собственности на землю является куда более очевидной. Земля — основной и непосредственный производственный ресурс. Она родит, она и спрашивает с собственника. Здесь основа всей сельской экономики, ее возможной успешности и прибыльности. Зачастую земля — единственный ликвидный актив агропредприятия. Ее стоимость не идет ни в какое сравнение со стоимостью других «основных средств» агропроизводства — той же имеющейся в большинстве хозяйств устаревшей или лизинговой техникой.

Но сегодня **земля фактически не работает на аграрную экономику** из-за отсутствия реальных отношений собственности на землю. Из-за отсутствия частной собственности. В результате, например, сельхозпроизводителям, не

способным предоставить достаточное обеспечение при кредитовании, приходится брать краткосрочные кредиты под баснословные проценты, влезать в долги, продавать урожай по бросовым ценам.

Да и с арендой земли для сельхозпроизводства на местах далеко не все так просто, как это представляется при чтении Земельного кодекса, где прописан максимальный срок аренды из долевой собственности — 49 лет. На поверку многие предприятия вынуждены арендовать землю на год, с ежегодным перезаключением договоров.

Опять же это происходит из-за того, что процесс официального оформления прав долевой собственности крестьян на землю — с дорогостоящей постановкой участков на кадастровый учет, с регистрацией этого права в Едином реестре — максимально затруднен. Зачастую сознательно затруднен местными властями. Ведь аренда земли, да еще краткосрочная, — это лучшая для них гарантия сохранения своего помещичьего положения на земле.

Ущерб же развитию сельского производства очевиден. Аренда земли приводит к тому, что не существует никаких гарантий инвестиций в сельское хозяйство. Как говорится, «концепция переменится» или просто настроение у начальника испортится, и всё — вам скажут до свидания.

Аренда превращается в удобную, «тихую заводь» только для временщиков, задача которых — выжать по максимуму, выдавить деньгу. А там — хоть трава не расти. Ничего в итоге и не растет. Ведь при такой схеме не нужно вкладывать в землю, не нужно ее беречь и заботиться. А нужно только ее эксплуатировать. Тут без собственности даже проще и безопаснее.

Вот и получается, что отсутствие гарантий и прав собственности на землю приводит к тому, что сами крестьяне и работающие на земле предприниматели попадают в полную вассальную зависимость от колхозных баронов, которые, прикрываясь государственной и коллективной собственностью, фактически творят беззаконие на сельской земле. А эффективный производитель, владеющий землей на правах собственности, — это самая главная и прямая угроза их местечковым и корыстным интересам.

Сложившаяся ситуация с собственностью на землю является главным камнем преткновения в реализации любых национальных проектов в сельском хозяйстве. Ведет к тому, что экономическое **развитие сельского хозяйства сегодня является почти исключительно экстенсивным**. Происходит за счет ранее накопленных ресурсов и их буквального «проедания».

Цена, которую мы платим, — это, например, истощение почв, проматывание почвенного плодородия, сформированного в советские годы. По сравнению с 1990 годом внесение удобрений упало в 3,5–4 раза.

По прогнозам экспертов, из-за низких доз внесения минеральных и органических удобрений и несоблюдения севооборотов вынос питательных элементов из почвы с урожаем может в ближайшие годы в 4–5 раз превысить их поступление с удобрениями. Говоря проще, начнется необратимое истощение почв.

С учетом этого вопиющей выглядит ситуация с производством минеральных удобрений. Нет, они производятся. Более того, производство удобрений — единственная сфера из сельскохозяйственных сфер производства, по которой, в отличие от того же тракторостроения, по сравнению с концом 1980-х не произошло какого-либо снижения объемов. Но отрасль работает преимущественно на экспорт, так как российское село по финансовым причинам не способно удовлетворить свои потребности в минеральных удобрениях.

И если в конце 1980-х годов советское сельское хозяйство потребляло до 70 % продукции отечественных производителей минудобрений, то в 2003–2004 годах российское село, напротив, «освоило» чуть более 10 % суммарного объема этого производства. Остальное ушло зарубежному фермеру.

Государство последовательно слагает с себя полномочия по реализации и финансированию также и мелиоративных программ. Среднегодовые объемы выполнения работ по сравнению с 1980-ми годами сократились в десятки раз.

В итоге мы многократно уступаем наиболее развитым в сельскохозяйственном отношении странам по такому показателю, как урожайность с гектара земли. Сокращаются и объемы качественного

продовольственного зерна при росте объемов кормовых культур. Отчасти это даже выгодно для развития отечественного животноводства. Но многие наши производители макарон делают все равно из муки и пшеницы, закупаемых в других странах.

Без эффективного земельного собственника проблемой национальной безопасности становятся и рекордные темпы сокращения возделываемых земель, о которых мы уже говорили.

Но ничего удивительного здесь не происходит. Когда в промышленности продукция предприятия продается дешевле себестоимости, предприятие закрывается. Точно так же, когда производство сельскохозяйственной продукции невыгодно и нерентабельно, прекращается обработка земли, умирает животноводство и переработка сельхозпродукции.

Приведу один хорошо знакомый мне пример. Из Калужской области, из Медыни. Был там небольшой молочный завод, перерабатывал молоко из соседних хозяйств. Завод приватизировали как раз такие вот «временщики» с их незамысловатым бизнесом — продать свою продукцию подороже, а сырье, молоко, купить подешевле. Начали устанавливать убыточные цены на сырье для производителя.

Но завод в той местности был фактическим монополистом. Да и не повезешь молоко далеко — испортится, себестоимость еще больше возрастет. В результате фермеры оказались в безысходной ситуации, да и перерезали почти все молочное стадо. А завод перестал получать молоко. Что в итоге? Ни производства, ни переработки, ни доходов для фермеров, ни зарплаты для работников завода. Вообще ничего. Вот такая «синергетика».

Это только один пример, но пример типичный. И таких примеров самоубийства села и сельского хозяйства много. Сейчас при поддержке Москвы в Калужской области молочное производство восстанавливается. Конечно, хорошо, что здесь совместными усилиями удастся восстанавливать сельские производства и сельскую жизнь. Хорошо, что местные власти болеют за дело. Но заниматься этими вопросами нужно везде. А получается не всегда. Во многом — именно из-за нерешенности земельного вопроса.

В нынешней ситуации никому нет дела до того, что станет с нашими землями, с плодородными почвами лет этак через 30. По идее, этим должны заняться крупные сельхозпроизводители. Но они вынуждены работать на арендованной у сельчан земле и не имеют никаких гарантий, что эта земля останется за ними через 5 или 10 лет. Какое уж тут долгосрочное, по годам и до грамма рассчитанное планирование удобрения почв.

Отсутствие нормальных земельных отношений, собственности на землю ведет к ее избыточной эксплуатации, хищническим методам работы. Нарушается севооборот, земля забивается монокультурой. Ни о каких многопольных системах севооборота никто и не вспоминает.

А ведь **развитие сберегающих аграрных технологий** — это ключевой момент всей современной аграрной политики, основополагающая задача работы на земле.

Незаслуженно забыта сначала перевозносимая, а затем бездумно отвергнутая в Советском Союзе травопольная система академика Василия Вильямса. Вообще недопустимо мало внимания уделяется поддержанию и восстановлению плодородия почв.

Очень слабо развиваются и современные безотвальные технологии обработки почв, в том числе и технологии нулевой обработки, посева зерна непосредственно в стерню. И что хуже всего, в этом деле мы забываем свои корни, свои традиции. Весь мир в применении подобных технологий перенимал наш опыт. Ведь впервые безотвальную систему разработал и предложил в конце XIX века выдающийся русский агроном Иван Овсинский. А созданная в 1950-е годы «система Терентия Мальцева» сегодня работает на полях Европы, Канады, Америки и даже Украины.

Значение соответствующих технологий заключается также в том, что они являются не только почвозащитными, но и ресурсосберегающими. Позволяют поднимать урожайность при одновременном существенном, иногда в разы, снижении общих затрат по посеву, уборке урожая. Снижаются издержки производства, амортизация, трудозатраты, расход удобрений, расходы на топливо.

Это, между прочим, вообще ставит перед нами вопрос о том, насколько оправданны все те расходы, которые несет сегодня сельский производитель. И насколько неизбежна ситуация низкой эффективности и низкой рентабельности сельскохозяйственного производства. Ведь, к примеру, когда мы говорим о тех же запредельных ценах на ГСМ, которые губят сельское хозяйство, нужно видеть и обратную сторону проблемы.

Само сельское хозяйство сегодня технологически неэффективно, энергозатраты огромны, новой экономической техники нет. Отечественное сельскохозяйственное машиностроение «в загоне» и практически не производит технику, предназначенную для применения той же безотвальной системы. Без решения всех этих вопросов аграрное производство все равно не выживет, даже если сдерживать цены на топливо.

Приводить примеры можно и дальше. Такая же недопустимая ситуация у нас с селекционной работой, которая сегодня в России практически утеряна. Высеваем подчас абсы что и при этом почему-то ждем чудес по росту урожайности и эффективности хозяйства. Практически никто не занимается и таким делом, как выравнивание полей, забывая о том, насколько эта работа важна и для сохранения техники, и вообще для эффективности производства.

Но главное, что нужно сказать, — **все проблемы, о которых шла речь, не решаемы без хозяина на земле.**

Такую работу на селе, несомненно при поддержке соответствующих государственных программ, могут вести только крупные капиталистические хозяйства, которые владеют землей, готовы в нее вкладываться. Готовы инвестировать в производство, технологии, плодородие, селекцию, мелиорацию, сельскохозяйственную науку.

Нужно перестать говорить о поддержке села и крестьянина в целом, общо и неконкретно. Следует отказаться наконец от ненужной и вредной практики прямого вспомоществования субсидиями огромной массе неэффективных хозяйств. И поддерживать различными мерами именно реструктуризацию отрасли, приход в сельское хозяйство бизнеса и частных инвестиций, поддерживать эффективное землевладение.

Этим государство больше всего поможет развитию аграрного производства. Основные же государственные усилия после этого необходимо направить на решение социальных вопросов села, развитие инфраструктуры аграрного производства и жизни на селе.

Раскрестьяненная Россия

В книге «Развитие капитализма в России. 100 лет спустя» я уже отмечал, что наше правительство все время реформирует экономику, а не общество. Мыслит бухгалтерскими категориями «проводок» и «платежек», а не принципами социальной стабильности и развития. Всепоглощающий интерес к цифрам роста, показателям прибыли и схемам финансирования вытесняет из социально-экономической политики человека, его жизнь и интересы.

В отношении к сельскому хозяйству, к российской деревне этот подход проявляется в полной мере. Текущая государственная аграрная политика в России испытывает **очевидный крен в сторону регулирования производства в ущерб социальным аспектам развития села.**

Наше государство, одной рукой деловито складывая в столбик привесы и надои, а другой — деля мясные квоты, как будто вовсе и не замечает переминающегося с ноги на ногу и ломающего перед ним шапку крестьянина. Только и ждешь, что вот сейчас чиновник оторвется на секундочку от счетов и спросит пренебрежительно: «Вы чье, старичье»?

Между тем социальная ситуация на селе сегодня тяжелейшая. Она связана, прежде всего, с безысходной бедностью и безработицей.

На начало 2005 года средняя зарплата в сельском хозяйстве составляла 2900 рублей в месяц. То есть лишь около 40 % к среднероссийскому уровню. Даже в сраженной наповал российской легкой промышленности, занимающей предпоследнее место в этой печальной табели о рангах, средняя заработная

плата на 500 рублей выше. В сегодняшней деревне часто «самым богатым» человеком оказывается пенсионер. Хотя все мы знаем, какой у наших пенсионеров уровень достатка.

Уровень общей сельской безработицы находится на уровне 11 %, а по методикам Международной организации труда достигает вообще 18 %. Скрытая и сезонная безработица, связанная с осенне-зимним перерывом в цикле сельскохозяйственного производства, еще выше.

В результате показатель бедности на селе составляет почти 40 %, что в 1,6 раза выше, чем в городе. Доля сельчан с доходами в 2 и более раз ниже прожиточного минимума, то есть живущих в нищете, превышает 11 %, что почти в 3 раза больше городских показателей.

Эти цифры, так или иначе, учитывают средства и ресурсы выживания, получаемые жителями села от натурального подсобного хозяйства и в виде натуроплаты от сельхозпредприятий. В собственно же денежном выражении доходы крестьян еще ниже. И их существенная часть идет на затраты по поддержанию все того же подсобного хозяйства.

Не удивительно и то, что население деревни стареет и сжимается. По официальным данным, в 72 регионах страны наблюдается депопуляция села. Каждый год количество сельских жителей сокращается на несколько сотен тысяч человек. Начиная с 2000 года российская деревня потеряла уже более миллиона человек.

Кто-то, прежде всего молодежь, уезжает. Ведь уровень молодежной безработицы на селе, по некоторым оценкам, сегодня достиг уже 30 %, что является прямым путем к росту алкоголизма и наркомании, ухудшению криминогенной и демографической ситуации. Даже уехав в город, молодой селянин часто пополняет армию безработных, социально неблагополучные городские слои.

Одновременно деревня банально вымирает. Причем смертность на селе очень сильно возросла в группах трудоспособного возраста, среди 30–40летних.

За всеми этими очевидными проблемами проступают и иные, более глубинные. Объективной тенденцией дальнейшего развития сельскохозяйственного сектора в нашей стране будет сокращение численности населения, занимающегося аграрным производством. В наиболее развитых странах мира численность такого населения составляет не более 5 %. В России сегодня этот показатель находится на уровне 13 %. В перспективе он неизбежно должен сокращаться до 6–7 %, то есть минимум в два раза.

Еще раз повторю, что тенденция эта неизбежная. Это — объективная логика перехода страны к более современной аграрной структуре. Если посмотреть на дело формально, то, собственно говоря, такое сокращение занятого сельскохозяйственным производством населения уже происходит и происходит стремительно. По самым приблизительным подсчетам, начиная с 1990 года оно уже сократилось на 3–4 млн человек.

Но данный процесс носит совершенно стихийный и неверный по сути характер. Сокращение аграрной занятости связано со старением населения на деревне и снижением продолжительности жизни. Средний возраст сельхозработника сегодня намного выше, чем в целом по экономике. И намного ближе к пенсионному возрасту. Одновременно сокращение занятости на селе связано с безработицей и оттоком молодежи, выводом из оборота земель и ликвидацией сельхозпредприятий.

Иначе говоря, аграрная занятость сокращается вместе с вымиранием деревни. А должно-то быть наоборот. И пока не будет осмысленной государственной политики развития села, развития инфраструктуры, создания в сельской местности альтернативной неаграрной занятости, процесс будет продолжаться именно в такой — бессмысленной и беспощадной — форме.

А продолжаться он будет. Потому что сегодня, можно спросить у любого руководителя аграрного хозяйства, и он вам на пальцах объяснит ужасный парадокс ситуации. С одной стороны, занятость в бывших колхозах и совхозах остается избыточной. С сугубо экономической точки зрения, работников нужно сокращать и сокращать существенно, иногда в 2–3 раза.

Но сделать это невозможно. Потому что, опять же, никаких иных путей жизни и способов существования на селе нет. Провести увольнения — значит создать огромную армию безработных, усилить социальную напряженность, спровоцировать еще более массовый исход крестьян в города и тем самым создать в них не менее тяжелую ситуацию.

В результате руководители сельхозпредприятий наряду, а иногда и вместо производства, выполняют государственные функции социального обеспечения и формирования рынка труда. Работают в качестве «сельского собеса», сохраняя избыточную занятость. Создают инфраструктуру для личных подсобных хозяйств, которые являются основой выживания массы сельского населения.

Никому от этого хорошо не становится. Эффективность производства остается низкой, реорганизация сельхозпредприятий тормозится. Одновременно и деньги, которые платят крестьянам, фактически заработной платой и не являются. Это — скрытое пособие по безработице. Поэтому-то зарплаты на селе такие низкие. Поэтому-то недооценка труда в аграрном секторе столь огромна.

Есть и обратная, не менее тяжелая, сторона ситуации. При внешне избыточной занятости в сельском хозяйстве в современной России наблюдается дефицит кадров. Результатом последних реформаторских десятилетий, а также, отчасти, предшествующего советского периода развития является «деквалификация крестьянина», падение уровня и качества аграрного труда.

Новые сельскохозяйственные производители не могут найти достаточного количества квалифицированных кадров для нового производства и новых аграрных технологий. Данная проблема превращается в один из основных факторов сдерживания экономического роста в сельском хозяйстве.

Сегодняшнее село скатывается к примитивным технологиям и ручному труду. Иногда дешевле не использовать технику, а нанять 10–20 человек, чтобы они вручную вскопали поле или прорыли дренажную канаву. К тому же крайне сложно найти механизатора или доярку, которые справятся с

современной аграрной техникой и оборудованием. В результате избыточный, да еще и неквалифицированный сельский труд не позволяет повышать оплату труда. И одновременно не стимулирует инновационное, эффективное производство, его технологическое переоснащение.

Консервация этой ситуации, недостатки социального развития села и отсутствие альтернативной занятости тормозят не только отдельные предприятия, но и экономику в целом. Не позволяют, например, развивать в деревне пищевую и перерабатывающую промышленность. А их развитие, на самом деле, принципиально важно. Для того чтобы в год большого урожая крестьяне не проклинали все на свете за этот подарок природы, оборачивающийся мизерными ценами на их продукцию.

Это крайне важный момент. Социальные проблемы деревни непосредственно влияют на эффективность аграрного производства. Причем влияют негативно, не дают ему развиваться. Наметившиеся в последние годы тенденции экономического роста в сельском хозяйстве, притока инвестиций в аграрное производство не могут стать устойчивыми без решения задач социального развития деревни.

Достаточно вновь напомнить о проблеме снижения объемов обрабатываемых сельскохозяйственных земель.

Дело не только в том, что те или иные земли сознательно выводятся из сельхозоборота, «перепрофилируются» под дачи или элитную недвижимость. Во-первых, это происходит вокруг считанных крупных городов. Во-вторых, и здесь по крайней мере часть этих площадей преобразуется в личные приусадебные хозяйства горожан, хотя бы отчасти работает в качестве подсобного сельского хозяйства.

Тем временем, суть проблемы — в той самой ужасающей демографической ситуации на селе. Откроем любое серьезное исследование по развитию села в постсоветское время. И что мы увидим? Мы увидим, что ключевым

фактором, влияющим на объемы и эффективность аграрного производства в регионах, считается как раз уровень численности сельского населения.

Там, где трудоспособное население сохранилось в достаточном количестве — в наиболее подходящих для ведения агропроизводства районах, — сельскохозяйственные земли выбывали из оборота с куда меньшей скоростью. Основное же выбытие земельных фондов происходило на территориях, имеющих самые плохие показатели демографического развития и в наибольшей степени испытавших отток населения из села в город. Иначе говоря, земля перестает обрабатываться из-за того, что на ней некому жить и работать.

Без целенаправленной государственной социальной политики на селе, без специальных миграционных программ и программ регулирования рынка сельскохозяйственного труда, без подготовки сельских кадров эта тенденция будет только нарастать. В результате лет через 10–15 вместо полей и пастбищ получим мелколесье. Или сами не заметим, как эти земли начнут обрабатывать другие народы.

Возьмем ту же кадровую проблему села, отсутствие квалифицированных рабочих, агрономов, технологов, механизаторов. Откуда они возьмутся, если в это не вкладывать средств?

Кто их воспитает и кто последит за здоровьем их детей, если в ходе выполнения 122-го закона, в ходе монетизации отобрали надбавки для сельских врачей и учителей, отняли существующие у них чуть ли не с 1930-х годов жилищно-коммунальные льготы.

Формально, конечно, кое-что сохранили. Но нормальных государственных гарантий и государственной политики в этом вопросе нет. Потому что сбросили все соответствующие расходы на и без того обнищавшие регионы и до сих пор не созданные муниципалитеты. Где-то местные власти находят деньги, чтобы надбавки и льготы сохранить. А остальные? Им приходится резать по живому и тем самым **добивать сельскую интеллигенцию.**

Хорошо, допустим, что сейчас, после окрика президента, наше правительство повысит зарплату первичному медицинскому персоналу. Для

села это действительно важно — ведь именно здесь наиболее нужен и востребован врач общего профиля. Но что будет с учителями?

Еще циничнее ситуация с пенсионерами из числа бывших сельских учителей и врачей. У них просто все льготы отобрали. То есть отработал свое — свободен, выживай как знаешь. Или не выживай.

В то же время и у молодых специалистов, которые только начинают работать, нет никаких преференций. Редкие исключения связаны только с тем, что некоторые регионы придумывают и выискивают средства на собственные программы поддержки молодых. Но таких случаев немного.

В результате мало кто хочет идти работать в сельскую школу и больницу. Уровень образования и здоровья падает. Производство задыхается без кадров. Молодежь уезжает куда глаза глядят в поисках лучшей участи. Даже многие выпускники сельскохозяйственных вузов, агрономы и зоотехники, не едут работать на село, а «оседают» в городах. Пенсионеры же печально наблюдают за смертью своих деревень. Прочный круг замыкается.

Хочется спросить наших правительственных реформаторов — эти копеечные надбавки и льготы пробьют дыру в вашем умопомрачительном стабилизационном фонде? Помешают накопить еще несколько миллиардов долларов профицита и валютных резервов? Нет, не пробьют и не помешают.

Но почему же тогда сельские врачи и учителя, эти поистине самоотверженные люди, вдруг превращаются у наших либерал-монетизаторов чуть ли не в главную угрозу макроэкономической стабильности и фактически приговариваются к ликвидации? Невыносимая «свобода бессовестности» в принятии правительственных решений. Всепоглощающая и недальновидная жажда экономии на собственном народе.

Печальный список фактов «несовместимости с жизнью» деревенского выживания в сегодняшней России можно множить и множить. Но что поражает больше всего? Наше государство как будто, всего этого не видит. Неправильно расходует даже те относительно небольшие средства, которые отпускаются на село. На сельскохозяйственное производство, на субсидии, по-прежнему тратится более 50 % всех выделяемых бюджетом средств. Причем более 40 %

всех этих субсидий уходит на текущие нужды хозяйств. То есть из года в год происходит их проедание, а не вкладывание в будущее.

В то же время федеральная целевая программа социального развития села до 2010 года сегодня тотально недофинансируется. Из ее одиннадцати направлений худо-бедно реализуются только четыре: газификация, водоснабжение, развитие связи и отчасти строительство дорог. В структуре расходов федерального бюджета на аграрный сектор доля программы социального развития составляет всего 5 %. Все остальное опять перебрасывается на регионы, хотя это противоречит любой логике. Нельзя общенациональные инфраструктурные проекты реализовывать только с местного уровня, да еще обкусывая каждый год региональные бюджеты.

В адрес нынешней государственной политики социального развития села остается только повторить классический диагноз. Это хуже чем преступление, это ошибка. Ошибка государственной сельскохозяйственной политики. Ошибка системная и от того еще более ужасающая и фатальная.

Аграрная программа капитализма в современной России

По оценкам Минсельхоза России, доля затрат на продовольствие в общем объеме товарооборота на потребительском рынке составляет около 46 %, или 2,5 трлн рублей в год. Такова величина спроса на продукцию сельского хозяйства, двигающего вперед и все остальные связанные с селом отрасли экономики.

Тем более, что в 2004–2005 годах наметилась тенденция, в соответствии с которой экономический рост в России, рост ВВП определялся именно потребительским рынком.

Сельское хозяйство, иначе говоря, не просто ключевой элемент рынка, но **мультипликатор развития экономики в целом**, мощный мотор экономического роста и выполнения задачи удвоения ВВП.

Казалось бы, на этом фоне необходимо приложить особые усилия, чтобы поддержать развитие аграрного сектора, вытащить из болота сельских производителей, уделить особое внимание всей инфраструктуре сельскохозяйственной экономики и сельской жизни. Необходимость всех этих действий для любого сельского труженика вещь очевидная. Имеющиеся проблемы — вопиющи.

Но тут как раз и наблюдается тотальный управленческий голод и дистрофия государственного мышления. Проявляется крайне слабое понимание тенденции и закономерностей развития нынешнего аграрного сектора.

По официальному прогнозу социально-экономического развития, подготовленному Правительством России, на ближайшие три года прогнозируется рост сельского хозяйства на уровне не более 1–1,5 % в год. При этом такой показатель является средним — для некоторых регионов очевидна перспектива экономического спада в сельском хозяйстве.

Таким образом, фактически признается, что без существенных изменений государственной аграрной политики сельское хозяйство России не может развиваться.

Но следует понимать, что если экономика страны в целом, учитывая задачи удвоения ВВП до 2010–2015 года, будет развиваться более высокими темпами, расти на 5–7 % в год, а аграрный сектор по-прежнему останется в застое, не только экономический, но и социальный, политический результат такого развития событий будет катастрофическим. Произойдет еще большее отставание уровня жизни сельского населения, деградация села, консервация бедности. Социально-политическая стабильность и социальная консолидация общества будут подорваны. А наше вступление в ВТО, в глобальный рынок окончательно погубит российскую деревню.

Поэтому сегодня необходима серьезная модернизация государственной политики в агропромышленном секторе. Она должна учитывать весь комплекс вопросов развития сельского хозяйства — производственные, внешнеэкономические, социальные. Основой должны стать следующие **семь принципов:**

Правовые основы. Необходимо преодолеть законодательный вакуум в развитии отрасли. Создание нормативно-правовых рамок развития сельского хозяйства позволит сформировать долгосрочные «правила игры», закрепит основы, принципы и механизмы государственной поддержки села, улучшит инвестиционный климат.

Рост поддержки. Увеличение объемов государственной поддержки необходимо для преодоления экстенсивного и инерционного сценария развития сельского хозяйства. Перед лицом вступления в ВТО необходимо увеличение поддержки сельского хозяйства для обеспечения конкурентоспособности России и создания равных условий для отечественных и зарубежных производителей.

Эффективность. Необходимо не только увеличение финансирования и бюджетной поддержки сельского хозяйства, но и понимание приоритетов использования этих средств для создания нового качества развития села.

Системность. Государство должно разрабатывать программу развития российского села совместно с выработкой стратегических приоритетов развития всех смежных секторов экономики (транспорт, машиностроение, химпром, естественные монополии и т. п.) и социальной сферы (образование на селе и для сельского хозяйства, сельское здравоохранение и культура, ЖКХ).

Предсказуемость и долгосрочность. Государство задает основные «правила игры» на несколько лет вперед в соответствии с долгосрочными циклами аграрного производства. И отказывается от их изменения в целях формирования стабильного инвестиционного климата в сельском хозяйстве.

Приоритет инноваций. Необходимо увеличение государственно-частных инвестиций в «инновационные» разработки в сфере сельского хозяйства — в целях сохранения и развития уникального отечественного семенного и племенного фонда, разработки уникальных и отвечающих российским условиям моделей техники, поиска энергосберегающих и эффективных технологий ведения сельского хозяйства в РФ.

Пересмотр государством на всех этапах власти своей миссии на земле. Государству пора перестать рассматривать российскую деревню, сельское хозяйство как «кормушку» для бюрократического аппарата. Пора осознать свою стратегическую — программную и управленческую — роль в развитии села и его жителей.

Помимо принципов аграрной политики в современной России необходимо обозначить и наиболее значимые направления конкретных действий.

1. Необходимо скорейшее принятие основополагающего для села *федерального закона «О развитии сельского хозяйства и агропродовольственного рынка РФ».*

Одновременно следует разработать и принять комплекс иных законодательных решений. Уточнить и ужесточить требования закона по вопросам изъятия земель из сельхозоборота, их перевода в иные категории и перепрофилирования. Принять реально работающие во благо сельского хозяйства, а не отдельных чиновников и скупщиков земель, законодательные нормы о неиспользуемых землях и ответственности за это. А еще лучше — специальный закон о неиспользуемых землях.

На законодательном уровне должны быть также решены и *вопросы государственных стандартов аграрной деятельности, производства, переработки продукции, обеспечения безопасности продуктов питания.* После отмены ГОСТов наблюдается очевидный пробел правового регулирования, ведущий к ухудшению ситуации, технологической деградации сектора и экспансии некачественной продукции. Представляется целесообразной разработка *соответствующего Продовольственного кодекса.*

2. Необходим целый комплекс мер, направленных на *установление порядка и определенности в земельно-правовых отношениях* в российской деревне. Для этого государству нужно оказать *финансовую и организационную помощь сельхозпредприятиям и фермерам* в оформлении всех документов на землю, межевании границ, постановке участков на кадастровый учет. В том числе стимулировать эффективных собственников, арендующих паи у крестьян,

брать на себя функции оформления этих участков в собственность по новым правилам, дав им соответствующие гарантии дальнейшей работы на этой земле.

Нужно установить *реалистичные сроки* обязательного переоформления земель, по возможности сняв существующие искусственные ограничения.

Нужно *принять такие правила и такой порядок выделения земельных долей в натуре, которые бы не ущемляли интересы ни крестьян* (скупка паев за бесценок или грошовая аренда паев), *ни аграрных предприятий* (угроза выделения паев по принципу «лоскутного одеяла»). Именно государство имеет все возможности для того, чтобы не только не провоцировать конфликты между этими двумя субъектами земельно-имущественных и производственных отношений на селе, но и свести их обоюдные интересы к единому знаменателю.

При этом необходимо идти по пути сокращения государственной собственности на землю в тех случаях, где за ее обработку готов взяться стратегический инвестор — будь он из числа крупных агропредприятий или частных фермерских хозяйств. Пока же близящееся окончание срока переоформления прав собственности на землю способно лишь увеличить площадь государственных земель.

3. Ключевым вопросом развития села является несоответствие длительных циклов производства и сроков окупаемости в сельском хозяйстве и существующих условий кредитования и финансовой поддержки со стороны государства и банковской системы.

Очевидно, что и программы кредитования села, и развивающиеся сейчас лизинговые схемы, и организация соответствующих товарных рынков, рынков удобрений и сельского машиностроения, пищевой промышленности должны быть подчинены специфике циклов собственно сельского производства.

Отталкиваясь от логики аграрных производственных циклов, должно быть организовано и государственное планирование в области сельского хозяйства, а также сами финансовые планы государственной поддержки села.

Необходимо перейти к долгосрочному государственному финансовому и организационному планированию развития села (на период не менее 3–5 лет). Необходима разработка комплекса мер по обеспечению долгосрочного кредитования сельского хозяйства (на период до 7-10 лет).

4. Накануне вступления в ВТО задачей российской аграрной политики представляется увеличение реального субсидирования сельскохозяйственных отраслей до того уровня, который Россия сама заявляет в качестве базисного в условиях глобального рынка. Это означает необходимость увеличения совокупной поддержки сельского хозяйства до 10 млрд долларов в год.

Одновременно нужно понять и научиться пользоваться правилами глобального рынка и глобальной торговли. России следует уделить приоритетное внимание проработке таких механизмов государственной поддержки, которые не относятся по правилам ВТО к мерам прямого субсидирования сельского хозяйства и способны существенно улучшить и социальные, и производственные показатели села. Это — мелиорация и повышение плодородия почв, инвестиции в аграрную науку, подготовка кадров для сельского хозяйства, формирование госзапасов, семеноводство и племенное животноводство, жилищное и дорожное строительство на селе.

Развитие указанных механизмов поддержки села позволит увеличить социальные и инфраструктурные программы для сельского хозяйства в несколько раз.

На этом и должна быть основана полномасштабная государственная политика «возвращения к жизни» российской деревни.

5. Серьезные результаты достигнуты с введением новых — рыночных — методов регулирования и поддержки сельскохозяйственного производства. Речь идет о государственной политике субсидирования ставок кредитов, развитии программы лизинга техники и племенного фонда, формировании программ страхования в аграрном секторе. В то же время для достижения качественных результатов необходимо существенное увеличение соответствующей государственной поддержки.

Данные решения (включая наращивание уставного капитала «Россельхозбанка» и «Росагролизинга») могут быть обеспечены за счет *целевого использования* имеющихся свободных *государственных финансовых ресурсов* — *части Стабфонда, золотовалютных резервов ЦБ.*

На аналогичной основе и с использованием механизмов *частно-государственного партнерства* следует ставить задачу выработки осмысленной и хорошо финансово оснащенной политики *развития отечественного сельскохозяйственного машиностроения.*

Наконец, выработка долгосрочной государственной программы развития сельского хозяйства не может быть отделена от *государственной политики в сфере тарифообразования* — на услуги естественных монополий (газоснабжение, электроснабжение, транспорт) и на топливо для сельскохозяйственной техники.

6. Приоритетная поддержка крупных и мощных агрохолдингов, привлекающих инвестиции и создающих потенциал развития отрасли, должна идти одновременно с развитием индивидуальной инициативы на селе. Крайне важно *развитие фермерской кооперации, в том числе финансовой.* Государственные программы поддержки фермерства могут быть ориентированы на целевую помощь государства таким организациям кооперации и сотрудничества малого и среднего бизнеса на селе. Очевидна необходимость *восстановить ранее ликвидированную на федеральном уровне программу поддержки развития фермерских хозяйств.*

Однако деньги нельзя отпускать в пустоту и в темноту. Поэтому программу поддержки фермерства целесообразно разработать и реализовать по итогам проведения Всероссийской сельскохозяйственной переписи в 2006 году.

7. Необходима долгосрочная и полноценная *государственная программа социального развития села, адаптации высвобождающегося из аграрного производства населения, модернизации структуры сельской экономики.* Наибольшее значение имеют задачи развития неаграрных альтернативных систем занятости на селе, создания потенциала для мелкого

и среднего сельскохозяйственного бизнеса, торговли, ремесленничества, кустарных промыслов, «деревенского туризма».

Без этого невозможно привлечение людей к жизни на селе, возрождение деревни к полноценной жизни.

Основой должно быть развитие сельской инфраструктуры. Необходимы современное жилищное строительство на селе, развитие дорожной сети, газификация, создание принципиально нового качества образования и здравоохранения, развитие торговли, сферы культуры.

В современном информационном обществе решающее значение имеет и развитие связи, создание нового информационного пространства села. Именно благодаря этому могут исчезнуть многие проблемы и неудобства сельской жизни, может повыситься ее привлекательность, например, для сельской молодежи да и для горожан.

Бурное развитие мобильной связи в последние годы сделало для сохранения российского села не меньше, чем все программы финансового оздоровления сельхозпредприятий. А «привести» сегодня на село еще и тот же Интернет — это значит создать новые возможности для ведения бизнеса, сформировать *единое информационное пространство города и деревни*, создать систему сельских интернет-библиотек и поднять уровень образования, удержать на селе молодежь. Уже вполне привычные для города интернет-кафе могут сегодня стать для деревни тем же самым, чем было в свое время появление первой электрической лампочки вместо лучины в деревенской избе-читальне.

8. Одновременно социальное развитие села требует сегодня и *особых мер экономического регулирования, расширения режимов льготного налогообложения для сельскохозяйственной сферы*. При чем речь тут должна идти не только о дальнейшем применении и развитии упрощенных схем единого сельхозналога. Необходимо и восстановление иных инвестиционных, имущественных, амортизационных налоговых льгот для сельских производителей.

Доступ к льготному налоговому режиму должен получить не только сельский производитель, но и сельский житель. Это могут быть, например, льготы по подоходному налогу для сельчан, увеличенные налоговые вычеты для них на образование, лечение, приобретение жилья.

Подобные меры могут стимулировать многих на переезд из города в деревню. Кроме того, они необходимы для того, чтобы соответствующим образом *сориентировать государственную миграционную политику, целенаправленно привлечь на село наших соотечественников из-за рубежа*, дать им укорениться именно в российской деревне.

Согласно одному мудрому высказыванию, Советский Союз прекратил свое существование в том числе и потому, что проводил экономическую политику, которую можно было назвать «нефть и газ в обмен на продовольствие». Добавлю, что в отличие от современного Ирака такая политика самоуничтожения проводилась не в режиме международных санкций, а по собственной воле.

Наша сегодняшняя экономическая политика во многом остается такой же. Она построена по принципу «нефть в обмен на продовольствие», «лес в обмен на трактора», «металл в обмен на коров», «газ в обмен на жизнь деревни».

Но мы же не хотим повторить судьбу СССР!